

Марина МАТВЕЕВА

ЭГО-ИСТИНА

Стихотворения и поэмы

«Крымский писатель»

Симферополь

2010

От автора

Название книги — «Эго-истина» — возникло из глубокой убежденности автора в том, что если и существует объективная Истина, то она — вне человека и его разума. Человек ее не знает и не узнает никогда. Любое представление человека об Истине, любая попытка ее познать, даже любое его об этом «откровение» и «прозрение» — всего лишь его собственная, эго, истина. Все они имеют право на существование — если без навязчивости, фанатизма, прямого вреда. И каждая из них по-своему ценна — в силу своей уникальности. Как неповторим любой человек, каждая личность, так неповторима и всякая субъективная истина. И уникальность эта наличествует даже у тех, кто, вроде бы, как ему кажется, следует некой общей идее или вере. Но всегда есть свои оттенки, полутона, ассоциации, парадоксы, свои особенности восприятия и представления, свои «перевороты с ног на голову» — особенно у людей творческих. Автор этой книги пытается приблизиться к Истине посредством слова: «Слово — это маленькое то, что большое людям не дано».

Автор хочет поделиться с читателем своими открытиями, своей личной истиной. Никому ее не навязывая, не проповедуя, не пророчествуя. Просто: есть и такая картина мира, существует и такая эго-истина. И только сам читатель решит, принять ее или отвергнуть.

Господи!.. Да вдохновит меня Аристотель,
Макиавелли, Дидро и Умберто Эко,
а не движения сердца и вопли плоти...
Господи, сделай из женщины человека!

В четвертую книгу известного крымского поэта Марины Матвеевой вошли стихотворения, написанные в 2003-2009 г. Основной жанр творчества автора – философская лирика, в которой затрагиваются темы места человека во Вселенной и его взаимоотношений с Творцом.

Матвеева М. С.

М 333

Эго-истина. – Симферополь:

Крымский писатель, 2010. – 220 с.

ISBN 978-966-2987-30-0

Ангел протеста

Создаётся впечатление, что у Марины Матвеевой вообще никогда не было текстов «на отбраковку». Через неё будто бы голосит ангел протеста. Она не пишет «ни о чём». Она как скажет – так и отрубит конкурентов, коих, может, по белу свету максимум десяток и наберётся. Марина не умеет лгать и знает себе цену. Я буду всеми конечностями «за», если Матвееву поселят в особняке с усадьбой и прислугой, чтобы никакие бытовые проблемы не отвлекали её от поэзии. Это большой поэт; я знаю, что она согласится – и сие не окажется бахвальством, равно как и высокообразный токарь не хвастается, представляясь: «Я – токарь шестого разряда Пётр Иванов».

*Сломали сливу ветры ноября.
И хочется пожить, да алыча
невкусная, по правде говоря,
поэтому дорубим, и с плеча.*

Отрубывание алычи чувствуется.

Но эта цитата – лишь затравочная; плотность поэтической ткани Марины Матвеевой вкупе с разнообразием форм поразит любого читателя. Если же экзальтированный «пушистый» (определение самой Матвеевой) старичок и выскажет недовольство Марининым стилем, – для нее это будет даже комплиментом. Матвеева не должна привлекать мух – она не липучка! Матвеева, в силу собственных едва ли не физических свойств, привыкла выворачивать и вспарывать действительность. В её зачастую грозных строках прячется сломанная любовь к миру – да, именно сломанная, простреленная, с открытыми – если не выклеванными вороньём – глазами.

*Ведь когда невозможное... Только оно суть добро.
Невозможно добро без расплаты за каждую каплю,
Потому без него и спокойней и проще, не так ли?
Хорошо без добра, – ты спроси у бездомных сирот...*

*Забывшая тебя твоя кровинка –
Сама сквозь слезы красоты ушедшей –
Одной рукою обнимала дочку,
Что горестно рыдала о любимом,
Другую – гладила ее сестричку,
Что плакала над сломанною куклой...*

*О, эта женская лирика, пух тополиный, цветочки...
Вдовушка, мужа которой убило упавшее дерево,
пишет, что счастлива тем, что он был, и не хочется
ей, чтоб другие писали такое, что ею самой не проверено.*

Поражает и словотворчество Матвеевой. Оно выполнено не ради звукописи — звукопись сама вытекает из невиданных и при этом совершенно естественных неологизмов. Но ещё более подкупает «точка баланса», которую находит Марина между формой и моментом сдвига сознания читателя.

*Там глыбы, что **камнепадочно**
с невидимых гор под ноги
нападали*

*Мой мойдодыритель, сам ты нечист, как немытая
рожа рожаящей в муках бомжсихи помойныя.*

*...и Некто, высокий, суровый «дед»,
тебя, салажонка, еще заставит
вылизывать собственный туалет
души языком — и еще добавит
потом, чтобы крепче любил ее —
ах, родину-мать — материнку-плату.*

Сюда же я отнёс бы и операции с членением слов и переносами их частей, — опять же, не ради забавы. Это нечто такое, вытекающее из субстанции, передаваемой домохозяйками максимум репликой вроде «китайцы-дурайцы», и перерабатываемое самым тонким словом творческого мозгового полушария.

*Да, не Камю. Здесь вам **ками** с приставкой Мура.
Оную, родный, и пишет. А ты не согласен?*

*Квадратноголовый даун
ластится в глаза...*

*Интер-нет не интер-да, он
просто так не за-*

*-лечит, -гладит, -рубит, -травит,
-грузит, -ворожит,
он потребуе управы
на самое жи-*

*знеутробные запасы,
психовиражи.*

*Милый, ты ль не асьный ас и
ты ль не Вечный ЖЖид?*

Впрочем, я здесь всё же боюсь вырвать ту или иную мысль из контекста, поскольку произведения Матвеевой нужно цитировать полностью.

Лексикон поэтессы – древний и современный, суровый и издевательский, ершистый и фрондёрский, что дано не каждому автору двадцать первого века. Но практика неумолимо показывает, что именно такие поэты, которые ничего не боятся сказать в стихах, пробиваются в историю. Можно, конечно, толпе базарных бабушек высказать «фе» в форме изречения, взятого Мариной в эпиграф к стихотворению «Да – шок. Да – кровь. Да – вспоротые пальцы...», но с таким же успехом можно и Валерия Ободзинского назвать «никаким не певцом».

Перестает ли Матвеева в стихах быть женщиной? Не знаю – в шкуре таковой не был. И, читая книгу, я представляю Личность, а не, простите, бабёнку. Однако цитаты, подобные этой:

*Вьямбыва – юсь, выформлива – юсь,
вы – Цве – та – и – ва – ю – си.
По-своему и не фомится мне,
не петрится во смеси*

полнокровно показывают перетекания настроения автора. Четыре строки – а сколько подтекста: и юсы (большие и малые), и «выделявание», и Цветаева, и фомка, и Фома, и Пётр, и факт того, что не петрится. О Матвеевой нужно писать так, как пишет она сама, и судить о её творчестве по законам, ею же писанным. В текстах Матвеевой никакие опечатки недопустимы: сразу теряется авторский замысел. В то же время мне встречались десятки авторов, на опечатках в текстах которых глаз попросту спотыкается и требует корректорского вмешательства.

Гражданская позиция авторской героини может иных случайных читателей выбить, что называется, из оболочки, но и это для Матвеевой –

норма! Перечитываешь «Чернуху» — и понимаешь, что лучше так, чем со слоём вуалей и дезодорантов. Как и в мини-поэме «Глаза тигриные»: мёртвый рай требует живинки («адца») — иначе не интересно:

*...Я б исправила у Бога рай:
я туда добавила бы адца,
а потом сказала: — Забирай,
Боже, рай, в таком хоть посмеяться*

*можно, а иначе — правина
праведных его в кисель разраит...
Знаешь, ты, пожалуйста, прав: и на
крест, и под венец — так! — забирают.*

Вообще переосмысление библейских догм занимает в творчестве Марины Матвеевой особую нишу — здесь сквозь признание Бога Творцом из всех щелей выпирают протесты (справедливые, кстати). И без этих протестов была бы сплошная статика, а там, глядишь, и «опушистела» бы авторская героиня, что свело бы на нет имя брызжущего вулканом поэта. Имя, а не имидж: последнего обычно придерживаются знаменитости ради денег..

Я от души рекомендую читателю, привыкшему к так называемой «благополучной» поэзии (среди которой то и дело встречается «верняк», т. е. то, что «прокатит» на любой аудитории), встряхнуть душу, приняв книгу Марины Матвеевой такой, какая она есть. Вне политики и моды, вне диктатуры вкусов и полиции нравов. Если даже самый преданный функционер поймёт, что поэт задаёт тон реальности, а не наоборот, то данная книга, можно считать, сделала своё дело.

Вячеслав РАССЫПАЕВ
Киев

Часть 1.
СТИХИ

* * *

– Мамочка,
слышишь:
кричит
ночь,
будто ее по глазам бьют..
Если б
у Бога
была
Дочь,
было бы легче тогда бабью...

– Думаешь,
милая?
Рас-
пад
жизни на две? Так устрой пир:
если б
у Господа
был
Брат,
был бы таким же Его мир?

– Мамочка,
слышишь,
я все-
рьёз:
душу не греет мне твой плед..
Если б
у Господа
был
пес,
он бы нашел тот потерянный след...

– Думаешь,
милая?
О-
глох-
нешь от попыток найти ответ:
если б
у Господа
был
Бог,
думал бы Тот, что Его нет?

– Мамочка,
слышишь:
ведь жизнь —
пыль!
Надо успеть хоть тоску излить...
Если б
у Бога
хоть Кто-то
был,
мы не умели бы говорить...

– Думаешь,
милая?
Без
глаз
мир не идет, не глядит без ног.
Если б
у Бога
не было
нас,
Он бы, пожалуй, и не был Бог.

Ты помнишь эту молнию над городом?
Смотрели мы с седьмого этажа,
из той квартиры, где, зарывшись в бороду
Всевышнего, мы спали — два мыша
в норе без выхода. И смели требовать
у стен, зажатых в цепонькой горсти,
чтобы щетинки закрывали небо нам,
и мы его не видели почти.

...А первую дождинку, слишком нежную
для авторского зноя этих дней,
вонзившуюся четко, строго между на...
Между народами в большой войне.
Увидели друг друга — галлы с бриттами, —
и любопытство вырвалось из рук:
как не познать нам Саваофа бритого,
а может, скошенного, будто луг?

...А первый гром, который не встревожил и
не бросил в мозг стихийный недосмысл,
где выпадали волосинки Божии
под лапами пассионарных крыс,
и вдруг — последняя... Ох и «кумеден» стал
растерянный, курино-мокрый ты,
когда почувствовал, что больше негде нам
запрятаться от бездной высоты...

Попробуй не дрожать всем телом, если нет
балкона и седьмого этажа,
устойчивого в самом центре треснутой
катящейся тарелки. ...Чуть дрожа
(ты помнишь: это было? или не было?
удерживать ли в сердце? отпустить?),
твои ресницы закрывали небо мне,
и я его не видела почти...

Сонарный модернизм

Мой модератор, ты плохо меня модернируешь, как бы иначе я так изгалялась над Господом, так первобытно-сонарно Его препарирюя, будто все можно мне, будто я черная оспина на непосредственно солнечном облике Ра. Донежь буду пытаться рожать вечнобудущих Сергиев и Серафимов? Ты плохо меня модератуешь, вот потому я такое сонарное стервие.

Мой мойдодыритель, сам ты нечист, как немывтая рожа рожаящей в муках бомжихи помойныя. Как же очиститься, где отыскать того мытаря, что и отмоеет и дань соберет на спокойную жизнь — без желанья писать, а с желанием тра... Та, та жизнь это, что мне нужна, а тебе и неведомо, что я сама уже пробуюсь на модератора для успокоивтия ряда (эпитет) поэтов. Мой

сервер для тех, у кого в голове откровения чаще, чем тысячу раз и «в туда» и «в обратное». Всем ИМ так ХОчется выразить скромное мнение о мирозданье и оного Миродераторе. Будам спасать, распинаться, воскре... и воскрадывать малую толику, коия нам причитает... Как плакальщица над могилой утраченных радостей, глядя на нас темным взглядом (эпитет ей) Таиах...

Чувствую: явно заносит... Но some не кончается. Звуков так много, и с мыслями дружно семействуют... Мой модерашка, я так не хотела отчаяться, да вот пришлось, потому что иначе — не действует...

Дурной тон, говорят мне, прислушайся, тон дурной,
если сердце не держишь за чопорною стеной,
если пишешь не просто узоры красивых да умных слов,
а такое, на чем проступает живая кровь.

Дурной тон эта кровь, эти пятна, фи, тон дурной!
Кто же с пятнами носит? Ах, было? Так мода прошла давно.
Эта мода закончилась в миг елабужского крюка,
с того дня запрещенною стала — и на века.

Тон дурной, морщат носики, кривятся, дурной тон.
Душу поверху тела носить запрещает он.
Если модные бренды лет десять тому назад
позволяли ей чуть проглядывать сквозь глаза

(это было пикантно), то ныне — табу душа,
не для личиков в моду повально внедряется паранджа —
для нее. И от клиник-салонов по резанью тел и морд
объявление «Душ удаление» вылезло на бигборд.

Да, умеют уже. Пациент их скорее жив, чем мертв.
Вот по городу он идет — роскошен, красив, умен.
Видит женщину — взвесит, измерит, оценит. Вот
только, меня увидев, дернется и — умрет.

Не живут они, если в их радиусе на сто
километров пирует душистая моль в мировом пальто,
беспощадная! Словом единым взгрызает и чревь, и пах,
чувствами — древним воскресшим вирусом — взламывает черепа...

Дурной тон, добры людоньки, прячьте, тон дурной!
Ой, спасайся, кто может, — несется на нас войной!

— Не умирай!.. я не вынесу.. что со мной?!
— Дурной тон.

Улыбается Бог — Он спасен, Он еще спасен.

Автостопом не ежду я. Но бывает: моё
невезенье спасает случайный угодник.

...Над дорогой ангелы выжимают белье, —
видно, стирка большая на небе сегодня.
Хлещет ливень, и дворники, как ресницы актрис,
если те удивляются, глупо моргают.
И амурчик пластмассовый на шнурочке повис.

А за окнами — хоррор: клыки раздвигая,
чернонёбного неба прожорливый зев,
как язык, жадно высунул нашу дорогу..

Таем мокрой конфетой на нем, не успев
запретить себе право ушами потрогать
плешь отжившего лета и маленький дом,
что водила купил бы, а я не купила.

А за окнами — триллер: там гоняется гром
за преступницей-молнией.

...Слишком уж милый
Ваш амур — для того, кого дома не ждут..
И кто так одинок... И чье сердце так стынет..

А за окнами — сказка: расстилают и бьют
ангелята вальками льняные простыни...

Формалистический интербред

Интернетны – интернаты
беспризорных душ.
От зарплаты до расплаты:
кукиш, а не куш.

Интернетны – интервенты
вскроенных голов.
На обрывочке френдленты
провисает шов

между буквою печатной
и судьбой самой.
Я люблю тебя, мой чатный,
неначитный мой...

Квадратноголовый даун
ластится в глаза...
Интер-нет не интер-да, он
просто так не за-

-лечит, -гладит, -рубит, -травит,
-грузит, -ворожит,
он потребует управы
на самоё жи-

знеутробные запасы,
психовиражи.
Милый, ты ль не асьный ас и
ты ль не Вечный ЖЖид?

Интернет... Из интердевок
в интерпацаны...
Яблоко для интерЕв от
интерСатаны.

Он, лукавый интертихрист,
предлагает торг,
чтоб любить тебя, мой тигр из
ru.ua.net.org.

Интернеты – интраверты
экстравертогра-
да. Возлюбленный, поверь, ты –
лучшая игра

в прятко-салко-догоняло-
во по всей сети.
Интернеты – инферналы...
Господи, прости...

Богема

Делают вид, что друг друга не знают...
И поделом!

Два ярких лидера, два самурая
с битым стеклом
вместо катан. Не смертельно — да больно.
Зубы в крови.
Сила — на силу. Воля — на волю.
Где тут любви
быть, если бомбы, торпеды, гранаты —
так, разогрев.
Принцип — на принцип. Кинжалы и яды.
Буйвол и лев.

...Воеет дорога... стонут ступени...
Дверь — на запор!
Уши зажав, расшибают колени,
рухнув на пол,
оба, но каждый — на свой, одинокий:
женский... мужской...

Муза — на Музу. Строки — на строки.
...черной рекой...

...А когда невозможное станет похожим на зло,
не на радость, не на воплощение мечты идиота,
все равно проявлю о душевной квартире заботу:
я закрою ее на ключи, непонятно zelo
для чего, ведь останется только идея замков,
зам[ыкающих]ков, замыкающих наши оковы,
только знаю: разбить их ни я, ни она не готовы,
хоть она и душа, ей положено, белой, легко
воспарять над землей, ни минуты не ведать земли,
ни минуты не ведать, ни часа, ни дня и ни года...
Но она уже знает: чуть-чуть этот мир разозли —
он ответит тебе невозможностью всякого рода.

Невозможное. Нет. Никогда. Ни за что. Не тебе!
Ты еще помечтай, а на большее и не надейся.
Все желания — будто попытка немого индейца
доказать дяде Сэму, что прерия, горный хребет
и леса — территория предков не Сэмовых, а...
Впрочем, что объяснять: дробовик объясняет доступней.
Невозможное. Руки в крови, измозолены ступни...
Невозможное. Мертворождённое. Спи-отдыхай.

Но когда невозможное станет похожим на зло...
Невозможное зло — вот тогда и откроются души,
и глаза заблестят, у таких безнадежных старушек
заблестят, заискрятся, и — вспыхнет родное село,
что стояло века, не меняясь ни на и ни над,
что давно заскорузло под ногтем грязнули-планеты,
вдруг — пожаром! закатом над пропастью! Все наши неты,
никогда, ни за что, невозможности — в солнечный ад!

Ведь когда невозможное... Только оно суть добро.
Невозможно добро без расплаты за каждую каплю,
потому без него и спокойней, и проще, не так ли?
Хорошо без добра, — ты спроси у бездомных сирот...

LOVE SAPIENS

Агапе без эроса — экое скучно...

Наверное, это не для человека.

Безбожно-безножно, ненужно-недужно
ты стал мне духовной любовью-калекой,

чтоб каждая мысль, наполняясь тобою,
себе удивлялась — отсутствию чувства,
чтоб дикие травы, мешаясь с прибором,
точили отраву на ложе Прокруста,

чтоб оный Прокруст отрубал мне не ноги,
а дух от души, да и разум от тела,
чтоб, глядя в глаза твои, ярки и строги,
я больше от них ничего не хотела,

поскольку к зачатию ты не способен
ни лишних детей, ни бездонных страданий, —
и только подходят в рифмической сдобе
воздушные пасхи моих мирозданий;

колючие крошки моих философий,
зачем-то рассыпанные по постели,
мне спать не дают. ...Разгоняется кровь и —
с трамплина! свечой! — в тихий омут. Поделим

с тобою мы сферы влиянья на Вечность:
ты пишешь во мне — я зову тебя Музوم.
И все. Остальное — не для человеческой
природы. Отделавшись легким *искусом*,

тяжелым искусством ты будешь наказан
за то, что другой человек на свете
живет — он отдал бы всё скопом и разом
за то, чтобы сущность мою обесцветить

духовной любовью — холодною меткой
своею, чтоб «музить» мой творческий зуд, — но
он ходит под кличкую Homo Erectus.
Я только тебя называю Разумным.

...Абзац!..

Целый мир отупел в одночасье!

Единственный Разум – на сотни парсеков!

Наверное, это и может быть счастье...

Которое явно не для человека.

*...тебя любить, обнять
и плакать над тобой...*

Его стихи — избитое дитя,
Рыдающее в болевом испуге...
А мрачный тип, ругаясь и кряхтя,
Кричит ему: «Заткнись!». И ставит в угол.

Его стихи — немой распятый взгляд
С вопросом: «Как???», — застывшим меж зрачками...
А мрачный тип, глотая спирт, как яд,
Перед распятым машет кулаками.

Его стихи — Песнь Песней, зов души...
В них женщина — Лаура и Джульетта...
А та, что рядом — тело. «Не взыщи!
Сама хотела, дура, спать с поэтом!»

Она хотела... Подарить любовь,
Тому, чьи строки — бездны и теснины...
Она хотела «плакать над тобой»,
Увидев, что стихи и он — едино.

И видит. Мрачный тип в себе, глухом,
Не спрячется. Любой заслон разрушит
Она, что знает: до сих пор стихом
Господь ему выламывает душу.

«Чем больше узнаю мужчин, тем больше нравятся вибраторы», — писала девочка в ЖЖ, сама от строчки прифигев. А мир вокруг кризисовал, и лезли на березы тракторы, а мама девочки спала, и ей во сне являлся лев. Он говорил ей: «Я не тот, кто рыкает, ходя кругами. И все будет хорошо, и вынет страус голову из недр, и дочка мужа обретет после трехлетней полигамии, и круглые глаза ее изменят форму в тетраэдр. И то, что Пушкин написал, у нас по-своему сбывается: его живая Голова в живую Задницу у нас переродилась и торчит, и сколько об нее сбывается мечей и копий, и мозгов, и слов, и смыслов... Унитаз гигантский строится уже, но алкоголики-конструкторы зачем-то форму придают ему похожую на джип. А ты спокойно, жено, спи, а в перерывах кушай фрукты — и все будет хорошо, поверь, лежи, блаженная, лежи...»

А девочка жила без сна и, из компа невылезучая, писала быстро, будто след от самолета в вираже... А мир вокруг кризисовал, и выживали лишь везучие, а невезучие опять и снова капали в ЖЖ... Чего там только не найдешь: перерождения и погибели, и яйца с курицами, и белопушисты во злобе... «Чем больше узнаю себя, тем больше нравятся другие, бля. Чем больше узнаю других, тем больше нравлюсь я себе».

Ляжыть, блаженныя, ляжыть, переляжытя революции, и резолюции и ре... Ремонты мира изнутри. «Чем больше женщин узнаю, тем больше нравятся ...иллюзии. А коль не нравятся тебе, то встань да плюнь и разотри».

Ах ты, клубника с кровью, руки убийцы...
Горкою на тарелке, как чьи-то мысли.
Мысли копченые, смуглые, как сирийцы,
мудрые, будто выдал их Джозеф Пристли.

Спросят меня: «Кто такой он?», – на то отвечу:
он появился здесь только заради рифмы –
рифмы солидной, решающей, будто вече,
страшной, как для филолога логарифмы,

сложной, как чувства влюбленной солидной дамы
к юному мальчику, что в сыновья годится...
...Ах, восемнадцать ему, ах, какая драма!..
(Кажется, стих в графоманию стал катиться...)

Ладно, вернемся к клубнике, она похожа,
ах, на куриное сердце еще сырое:
столько же крови от выдранных плодоножек,
хвостики-листки выброшены в ведро, и

следует приступить к поеданию ягод,
бросив сравнения и сталкивание реалий.
Добрый читатель, ты знаешь, я выпью «йаду»,
если ты сам поднесешь мне его в бокале.

...Сердце красавицы, кроме измены, склонно
к творческой страсти, ну, чтобы стихи писались.
Светлый мой мальчик, я пальцем тебя не трону,
если подарить мне образ, чтоб все у.. рылись.

Но почему-то ты даришь мне лишь обрубки
тухлых метафор на тему запретной страсти.
Значит, придется кристальные эти губки
наглой клубникой в немислимый цвет окрасить.

Ешь. Не обляпайся. Сладкой такой и спелой
больше не встретишь нигде, так что жри, паскуда!..
Добрый читатель, ну что же ты медлишь с делом
всей своей жизни: убийством меня, покуда

не написала такого, что мир подхватит,
но, поперхнувшись, закашляет астматично.
Нежного отрока, храбрый, спаси, читатель,
от бесшабашной силы моей клубничной!..

Храбрый чита... Только что тебе против Федры,
сто Ипполитов успевшей швырнуть копытам,
чтоб накормить ненасытные словонедра,
что раскрываются лишь от любовных пыток...

Господи!.. Да вдохновит меня Аристотель,
Макиавелли, Дидро и Умберто Эко,
а не движения сердца и вопли плоти...
Господи, сделай из женщины человека!

Новый рай

Дохлыми амебами луж
город разложился у ног.
У подруженьки новый муж.
У меня же только одно

место от судьбы и любви —
воспитать его ремешком!
...Город втиснут в серенький твид —
у него суровый дресс-код

в офисе разбитых сердец,
проспиртованных печеней.
На когтистых лапах песец,
как на Русь лихой печенег,

наступает. Но Русь и я —
силища великая: и
не такого били зверья!
... водяные знаки мои —

слезы, улиц — лужи, Земли —
Ноевы ковчеги — в закат..
Мы спасемся — только озлись,
Ванька, от петушья клевка!

Всех вокруг себя раскидай
и закон Небес утверди.
...У подруженьки новый рай —
у меня все тот же в груди.

Ненасытен мир, как любой,
кто здоров и силушкой дюж, —
На его тарелке любовь
дохлыми амебами душ

не заменишь. Тонкая нить
часто режет кровше, чем нож.
Не себя — другого — скормить —
в этом лучше нас не найдешь.

Только скольких в пасть ни бросай —
а твоя придет черед.
Ну-ка, где там твой новый рай,
Ванька?

Город, небо, вода...

Белибертристика — это дремучая смесь
мира наивного с миром наитий от мира.
Есть в ней и истина, ох, и великая есть:
в каждом бывают песке жемчуга и сапфиры.

Да, не Камю. Здесь вам *ками* с приставкой Мура.
Оную, родный, и пишет. А ты не согласен?
Переведи свое «*вау*» на русский: — Ура! —
и закуси им коктейль из разбавленных басен.

Басенки и побасёнки — то дети Басё,
пусть даже удочеренные им для прикола.
В белибердайджете есть абсолютное всё
для забивания в душу роскошного гола

с левой ножищи Голема, который к голам
так же относится, как твоя мама к индиго.
Сколь же спасительно — вдруг, перлюстрируя хлам,
в нем находить то, что тянет, пожалуй, на *книгу*,

а не на фигу. Бывает любовный роман —
автора будто Вергилий провел сквозь семерку
ада. Суровый профессор, заткните фонтан!
Непостижимое Вам не взвалить на закорки!

Белибер... Да! Вот такая. Но лучше живет,
чем золотые плоды Фейербаховых бдений.
И умирает легко, как убитый е.нот,
шкуркою чьею ее оплатили рождение.

Над телом

Почему твоя Настасья, светлый князь,
не свенчалась-та с тобою, а ко мне,
сластолюбцу и мерзавцу, понеслась,
да лежит теперь в кровавой простыне?

Да, своим меня она не назвала,
но себя моей, рогожинской, — крича
во все уши, называла — ай, дела!
Не твоею, князь, не розой белой, чай!

Потому что пожалеть-то пожалел,
да княгинею бы сделал, чай, верно,
а чтоб так, как я, да в ноги на коле-
ни... когда — а ей бы это и одно

во борение и было б со смертёй,
что тебя бы кто за сердце пожалей...
Чтоб такую, какова она — дитё! —
из ее же смрада — кровью бы своей...

Чтоб болело не за муки за ее —
чтобы сам по ней ты в муках бы лежал...
Вот тогда бы было княжее житьё:
весь бы мир вас поднял, Бог бы вас держал!

Я бы мог, да вот не вышел розой бел...
Ей мое у — сердце к сердцу не пришлось.
Так гляди теперь — я душу проглядел...
Да, я спас ее. Как мог. Как мне далось.

Поэзия – не спасает.
Проверено. И не губит.
Она – полынья косая,
столетней старухи губы.

Ее целовать не станут
и за драгоценный кубок.
Ее оттолкнут, как манну
небесную – мясолюбы.

Будь ты гениальной в стельку,
но тот, кто тебе дороже
всех рифм, позовет в постель ту,
понятней кто и моложе.

Будь ты королевой звука,
чьи строки идут из уст во
уста, но любимый руку
предложит ногам и бюсту

какой-нибудь секретутки,
а может быть, проститарши.
Поэзия – это шутка
Создателя, это дар, жить

с которым сумеет разве
мужчина, и то не всякий.
Поэзия – это язва,
над коею должно плакать,

которую и на паперть
не вынесешь за копейку..
Поэзия – Римский Папа,
влюбившийся – да в еврейку! –

абсурдна и невозможна,
болезненна и нелепа.
И все же нужна, как ножны
кинжалу, как окна склепу,

как чукче купальник... Ладно,
простим мы ее за это.
...Любимый, кури мне ладан,
люби во мне хоть поэта...

* * *

Город – снежен, выюжен, леденист...

...Тяжело молиться за чужого
мужа... Первый помысел был чист...
Лучше б вовсе не было второго!
А за третий –

каменный удар...

Сколько вас, душевных Командоров!..

...Город – ледяной тяжелый шар –
равнодушно катится под гору.

Он прекрасен –
грозовой хрусталь! –
он прекрасен...

Господи, откликнись!!!...

...складывает ангел-секретарь
в стопочку входящие молитвы...

Хочешь, я душу твою до себя дотяну?
Или вообще до Небес? Впрочем, это игра.
Если твою же беду тебе ставят в вину,
се означает, что в чем-то ты все же не прав.

Души бывают похожими на искосок
от человеческих протонов, амперов и ватт.
Хочешь, беду твою я заключу под замок,
чтобы ты больше не думал, что ты виноват?

Нежность распластана в Боге и кажется ей:
мы рождены, чтобы внять и остаться вне вин,
тех, в коих истина, тех, в коих шорох-хорей
Салафииловых крыл в сонме ангельских спин —

да, отвернулись от нас, ибо беды легки, —
значит, виновны. Роскошен твой маленький яд:
что же ты горе свое заключаешь в стихи,
где виновата душа твоя, если не я?

Хочешь, ты станешь единственным тем, для кого
я искупаюсь в вине, как гетеры царей?
Хочешь, возьму твои муки, как громоотвод,
хочешь, верну тебе ангельский шорох-хорей?

Просят: грустны твои строки, что сердце болит, —
сделай светлее хотя бы на пару свечей...
...Стану грустить за тебя — и сорвется болид
света из глаз твоих, мир захлебнется в луче

ваттовом... Будет еще один над-искосок.
Под — человек. Нет, растерянный ангел стоит.
Будь же виновен — тогда лишь узнаешь, что Бог
тоже виновен в размашистых бедах Своих.

В этом доме спасутся исключительно вещи,
ибо жители дома — в прегрешеньях по уши.
Наши дети — подонки, нам с тобою не легче
с этим миром бороться, не уродуя души.

И уж точно не кошка с засметанным вкусом,
не скучающий кролик, развращенный от Бога, —
в этом доме спасется исключительно мусор,
да и в нем недостойного этого много.

Не глазливая люстра, освещавшая радость,
не кровать, исскрипевшаяся от желаний, —
в этом доме спасется исключительно стадность
всех вещей, как в начале веков христиане,

друг за друга держась, уходили на небо...
Так же наши букеты, бокалы и свечи
с тихим трепетом смотрят в пучину Эреба
и мечтают о рае предметном и вещном.

Мы сидим за столом и вкушаем от водки,
столь же равноапостольны, сколь и трусливы.
В этом доме спасется исключительно сводка
новостей, что с экрана так неторопливо

изливается в жизнь. И не хочешь, а будешь
понимать: что тот рай, если мы еще живы!
В этом доме спасется всё, но только не люди —
индульгенции их изначально фальшивы.

Потому что уходят — так, «на век» не прощаясь.
Потому что уносят больше, чем им по силе.
В этом доме спасется исключительно счастье,
что зачали мы, только вот не доносили.

Знала: рукописи не горят, —
а они вот взяли и сгорели.
Умерли и угодили в ад
для стихов, мелодий, акварелей,
рук Венеры, тома номер два
«Мертвых душ» — совсем ненужных миру
людоделий.
Толку создавать,
если — в ад, в забвенье...
Будто Ирод,
вырезает мир младенцев слов,
красок, музык —
а Царя не тронет.
Все Цари останутся — назло
миллионам вымерших у трона.

Будто матери, чьи сыновья
бонапартам — пушечное мясо,
тысячи творцов страдают зря,
не снимая вросших в кожу масок
вдохновенья, времени и сил, —
чтоб один, по трупам их шагая,
на вершину стопы возносил,
в кулаке сжимая ключ от рая
Памяти...

Убивец Александр,
скольких ты — как тапком таракана?
Может быть, и правы Небеса,
что тебя за это...

Знаю: стану
я сама убийцей...
Ничего!
Есть сильнейший на меня — за день-ста
справится. Благослови его,
Сань, на избиение младенца.

Я устала. Мне плохо. Я думаю о тебе.
К сожалению, мысль о тебе не уменьшит плохо.
Не украсит окно перепорхами голубей,
не заставит Вселенную выдохнуть даже вдоха.

Не накормит она, не напоит, не исцелит,
не исправит ни капельки мир и его препоны.
Я люблю тебя. Только не это сейчас болит.
А болело ли это когда-нибудь, не припомню.

Разве будет им место, раздумьям о нас с тобой,
если нынче я в дом принесла с перебитой ножкой
птицу. Или котенка. А может быть, это Бог
притворился котенком — проверить меня немножко.

Ведь Ему не впервой притворяться-то: стариком,
нищим, путником, даже тремя — чтоб сильнее запутать.
Я люблю тебя, только кимвальным своим звонком
не врываешься ты в адскую тишь моего приюта...

Или тоже мечтаешь ты в нем получить постель,
чечевичную кашу и ломтик сухого сыра?
Я люблю тебя, — значит, беги поскорей отсель —
и до следующего приемлемого кумира.

Ну, зачем ты остался? Мертвецкая тишина
ожила и вопит, как младенец, — не сунешь вату.
Или ты — или птица. А может, котенок. Наг
человек перед Вышним — не спрячешься и в котятках.

Не расставишь их в ряд: этот будет за этот грех,
тот — за тот, а десятый пойдет за забытый пятый...
Я люблю тебя. Только приют мой не вместит всех.
Даже вспомнить чудовищно, *что* он вмещал когда-то...

Сломали сливу ветры ноября.
И хочется пожить, да алыча
невкусная, по правде говоря,
поэтому дорубим, и с плеча.

Руби, топор! За рублю ни рубля
никто не даст, так хоть потешим мы-
шцы. В этом пониманье: тела для
работают и души, и умы.

Что слива! – нам бы дубушек снести,
да не один. Нас Павлов на рефлекс
такой не проверял, и где постичь
ему вокупе с Фрейдом: даже секс
сравнения не имеет с топором,
которому позволено рубить.
Позволено! И рухнул старый дом,
и две старухи перестали жить,
и Достоевский прячется в гробу,
решив, что это он всему виной...

Не плачь, ворона, на своем дубу –
сегодня плохо не тебе одной...

Движение

Бог, спаси за движение меня! ...не беда,
если нет. Мы с Тобой давно не соседи.
Я уже больше года живу в поездах,
хоть давно поняла: от себя не уедешь.

Мир меняет дома. Я меняю миры.
Мир снимает домашние тапки, халаты.
Я меняю друзей на «друзей до поры».
Те меняют меня на мою же зарплату.

Каждый мир, будто кошку, за хвост теребя,
заставляю взвиваться на истинной ноте.
Я уже больше года живу без себя,
так что, думаю, Вы без меня проживете.

Уезжаю... Mon Sher, у меня Вы один,
в ста пяти городах обитающий мнозе.
Я уже больше года живу. Из руин
выезжаю на Божьем Твоем паровозе.

Кара-Даг

Если не идет гора к Магомету,
значит, у горы есть на то причины.

Брось с горы монету, с горы монету
прямо в моря пенного капуччино.
Помнишь, как его небеса хлебали,
как луна потягивала глоточки,
как срывались глыбы, и в их обвале
было столько сюрреализма, точно
мы не люди, что воспринять способны
запах камня — не аромат сирени.
К Золотым воротам плывем подобно
аргонавтам, пьяным из уст сиреных.
И под этой аркой — морской камеей,
и под этой аркой, в разбрызгах блеска
исто золотой — и руна рунее
в эпицентре пламенного гротеска
солнца на камнях, на волнах и чайках —
кажется, что миг — и оно взорвется! —
и расколется голубая чашка
в стенах перевернутого колодца,
и поскачут вниз по камням монеты,
притяженьем плоти земной влекомы...

Кара-Даг не хаживал к Магомету,
и они пока еще не знакомы.

Не странно...

Елене Коробкиной

Город играет на струнах дорог
злую балладу забытого барда...
Город простужен. До боли продрог
в лапах когтистых дождя-леопарда.
Только мерцают короны реклам
на головах королей-ресторанов.
Мечутся слуги-людишки...

А нам
вечером здесь оказаться так странно!

Мы — две колдуньи, сошедшие с гор,
чуткие дочери леса и неба,
не осознали еще до сих пор
жизни на кончике рваного нерва
города.

Плечи дорог нас несут,
как в паланкине цариц-египтянок
...или покойников?

Впрочем, не суть
важно. И даже, пожалуй, не странно...

Сонет 1

Не больно грому от его раскатиц...
Нет, это просто вспышка. Не затем ли
Господь цифровикует нашу Землю,
чтобы запомнить? Видимо, ей хватит

вращаться в свете посреди хвостатых
и этих, что «со спутником»... Не внемля
ее протестам, Бог рисует Землю.
И лепит. И мечтает напечатать.

А, может, мы и есть всего лишь слепок? —
той, что жила себе тысячелепо
и в некий миг — потопом ли, огнем —

была убита? И ей на замену
отобразилась наша Ойкумена —
всего лишь холст и полотно на нем...

Сонет 2

Счастливый мир, бездушный идеал!
Не больно грому от его раскатиц,
И камню не обидно от ругательств
Моих за то, что на ногу упал.

Как мал мирок чувствительных, как мал!
А потому, страдалец мой, не прав ты,
Когда в твоей душе поют кастраты,
Что я не слышу этого. Стенал

Мирок веками. Слезы лил, отчаясь.
А небо, их от луж не отличая,
Туманом собирало в тучи до

Переполненья. «То слеза живая,
Что ангелы над миром проливают...»
Круговорот воды в природе. Дождь.

Той, что живет

Сестре

Бытие твое больше, чем ты сама
И представить способна себе. Не спорь же.
Бытие твое больше, чем ты сама!
Чем все тело твое и душа. И больше,

Чем все мысли твои: те, что о борще,
Так и те, что о сущности экзегезы
И о том, что бывают ли вообще
Где-то ангелы — есть же им антитеза!

Много больше, чем чувства твои: и те,
Что о *нем* и сгоревших вчера котлетах,
Так и те, что вшибают под дых протест
Против голода серых ангольских деток.

Больше, чем окруженье твое: все те,
Для кого ты живешь (или так считаешь),
Те, кто видит в тебе то объект утех,
То рабочую лошадь. Они, читая

Эти строки, не знают, что о тебе
Здесь написано: той, что живет под боком —
И не ведает в тихой своей судьбе,
Что является той, что живет под Богом.

Расстояние

Посвящается Киеву

Встреча на час под крылом у архангела...
Радости быстрые, улицы длинные...
Мне ли не помнить, мой рыцарь нечаянный,
Ваши золотые доспехи витринные?
Помнить, как сердце десницею совести
Огненным лезвием было изранено,
Как я из рая уехала в поезде,
Переплатив за билет до «куда-нибудь».
Рай... Там оставила росписи древние,
Стены святые из мрамора белого.
Там на мгновение я стала царевною
И не успела царицею сделаться.
...Огненный меч не оставил окалины,
Память, как старая нитка, истончится,
И не узнает мой рыцарь нечаянный,
Где я живу и когда это кончится.

* * *

Ночь. Бессонница. Жизнь то профилем
повернется, а то и задом
в танце маленьких Мефистофелей
с голубыми, как яд, глазами.
О глаза их! О водки стопочки!
Разливанные, словно ванна...
Хищной крысою троекнопочной
по компьютерному экрану
я гонялась за ними в Ramblerе
под восторженный визг соб@ки.
Пять иль шесть были, вроде, ранены,
остальные удрали, бяки!

Как «о чем это ты»? Конечно же,
о любви! И совсем не сложно!
Если «тема», простите, «вечная»,
То о ней только так и можно.

Невозможное лето

Ползу по скалам. Где-то далеко
любимый зарабатывает деньги.
А небо разливает молоко
топленое... Канатами из пеньки
привязана душа к далё... Кому
отдать мои живые километры?
А лето — невозможное! — в Крыму:
на званый раут нацепило гетры
в разводах и не жалует гламур.
Открытым люком обстригает листья
троллейбус... А душа опять: кому
отдать?... И снова изжигает мыслью:

Одна! В горах, в пещерных городах,
на пляжах и на горках аквапарков...
А лето — невозможно, не отдав
долгов, не отдарив ему подарков
счастливостью; теплой и зеленой
бывают дни, деревья, скалы, ветры
от счастья лета... Но созрело «нет»
в полях, что тянутся на километры...

Одна... И там, и тут, не дома же
сидеть, но помнят счастье в полной мере
застывшие в нелетнем мираже
мои неодиочества химеры.

Проклятая бледнолицая

Не снимай же трубку мира — лучше молча...

Опустевшая квартира. В старом пончо
Восседаю на диване, будто с кольцом,
С телефоном, что в руках танцует польку.
Мне б об пол расколошматить этот ящик,
Что не создан для индейцев настоящих —
Нас, гитарно-костро-водочно-рюкзачных,
Чьи решенья — навсегда и однозначны.

Бледнолицая проклятая, подумай!..
Ты, с душой Ассоль под маской бизнес-вумен,
Смех тебе, на шпильках по земле ходящей,
Даже думать об индейцах настоящих!
От вигвама в миле вам, таким, не место...

...Но дошла ты до вершины Эвереста
На «презренных» шпильках, что и камень точат!..

Не снимай же трубку мира — лучше молча...

Днепропетровский стиш

Сердце пишет без анжамбеманов,
Звукописей, вычурных метафор.
Видишь, вышел месяц из тумана,
Вынул ножик и коробку штампов:

«Я тебя люблю, завяли розги,
Гаснут свечи, небо озвездело...»
Вышел месяц над Днепропетровском,
Ножиком своим меня разделал.

Я твое сокровище с кровией!
Что еще бывает сокровенней?
...Соловей-Разбойник в поле свищет
(у него сегодня день рождения):

«...Ах, труба-малина-вписка-ксива!
Дзен-буддильник, хари Растафари!..»
Если сердце говорит красиво,
Значит, это мозг его пиарит!

«Сядем в поезд и поедем в Симф мы,
Он уже чуть-чуть – и будет рядом...»
Если сердцу удаются рифмы,
Значит, у него еще порядок.

Редкий птыц от Крыма до Днепрухи
В клюве донесет мою мессагу:
«Если сердце пребывает в духе,
То и духу в сердце джага-джага»

А вот если в стиш пришел Пелевин
И запел – тогда беда большая:
Это значит, сердце пишет левой
Пяткой, и она теперь решает!

...А у Соловья – водяры – роскошь!
Жаль, не перепить ему Илюшу!..
Ой, ты гой еси, днепропетровский
Соловей, верни мне в кочки душу,

Ибо пишет вона по-каковски!
Без фрейдячьих суперэгоидов.
Не был дядя Фрейд в Днепропетровске –
Потому и жил на мир с обидой.

Еще раз о литературной провинции, или Откровение скифской бабы

*Большой многострадальной всеукраинской
семье поэтов-кочевников
посвящается*

Кому-то слишком стольно... Пусть подвинется.
Не дам на резвы ноги вздеть котурны!
Отдам свои полцарства за провинцию,
точнее — за ее «литературных

героев». Резвы ноги, руки-всполохи,
в душе — гнездо чудовищ и болезней...
...Мы все — одно, мы все — куманы-половцы,
мы — конь и степь... и перестук железный

вагонов. От «Парыжу» до Луганщины
пройдем на бис, выкладываясь в доску, —
от боли батькивщины-атаманщины
до боли в сердце... Скажут: недоноски —

не до развития мозга элитарного,
не до «сняманья сливок» — с кружки пива.
Орда монголов, полчище татар... Но вам
нас не унижить: вы — мертвы, мы — живы!

Вы тоже вместе. Только не семья вы суть.
Вы — монастырь, лицей, уют, короче, вы
лишь те, которым если Бог и явится,
то выберет для явки одиночество.

А нам — всем миром! — третьяковской россыпью
оттенков, красок... Станет нам картиной,
написанной на кофте не по росту тем,
кто однодомно-узок. ...Серпантинном

свивается живливая дорога, и
по ней — домой — как в ссылку, а из дома — в рай...

А вы — сидите. Засыхайте тромбами
в гнилой голубокровушке без донора.

О ваш колпак стеклянный волны вспенивать
не станем и мечей тупить не будем.

Мы — скифы, азиаты, мы — кочевники.

И только мы (не вы — увь!) и люди.

ХУДОЖЕСТВА

Весь этот мир для тебя! — ну, а ты — о еде...
Вспомни Тургенева или какого джедая!..
...Если из слова «худею» изъять букву «д»,
Это и будет то самое, чем я страдаю.

Мир превращается в тихий такой балаган...
Сюры и глюки — они не живут в одиночку.
Пусть позавидует мне тот поэт-наркоман,
Что без укура не выдаст и матерной строчки.

Пусть меня скушает Бог или выдаст свинья,
Только сегодняшней день (впрочем, как и вчерашней),
Очень похож на осколок того бытия,
В коем тебе очутиться случилось бы страшно,

Ибо ты думаешь: ради тебя на ура
Я вылеплю шифроидной клавиатуры фигуру, —
Только вот эта нелепая словоигра —
Лишь результат недостаточных глюков и суров.

Вот похудею еще килограммов на двать,
Поголодаю еще полгодочка сурово —
Знаешь, какие задвижки я буду писать!
В них о клавиатурной шифричке не будет ни слова!

Ты не «догнал»! После месяца «я позвоню»
Взял и явился, и без разрешения остался.
Что ж, почитаю задвигов, потом прогоню:
Клавное — это шифровка! — чтоб не догадался...

Поэтескам

плохо быть уродливой нимфоманкой
плохо быть уродливой графоманкой
ни тебе ни текстам никто не даст
ни тебя ни тексты никто не возьмет

плохо быть красивой нимфоманкой
плохо быть красивой графоманкой
и тебе не текстам хоть кто-то даст
и тебя не тексты хоть кто-то возьмет

плохо быть красивой асексуальной
плохо быть красивой и гениальной
и тебе и текстам кто хочешь даст
и тебя и тексты кто хочешь возьмет

плохо быть уродкой асексуальной
плохо быть уродкой и гениальной
не тебе а текстам хоть кто-то даст
не тебя а тексты хоть кто-то возьмет

а вот я наверно какой-то нолик
на меня и шарик и идет за ролик
ни меня ни текстов попробуй дай
ни меня ни текстов попробуй возьми

а вот я наверно какой-то восемь
столь горизонтален сколь и несносен
вот такой вот атекстуальный флять
я наверно ангел ни дать ни взять

СТИШОК

или кюшай, не аббляпайся

Владу Клёну

ты извиваешься в междулюдые змеем эдемским,
хочешь, чтоб яблока откусили все понемногу,
ты протекаешь сквозь каждый город сеною-темзой,
зная не понаслышке: трудно быть богом,

трудно быть семантемой, деревом, камнем,
собственным же сизифом, горой, паденьем,
трудно быть притяженьем земным, сквозь ставни
подслеповато зрящим живое самосъеденье

солнца, чей каннибаличен малейший лучик,
так и мечтает пожрать душеловные наработки,
сколько же их еще в мире, несчастных сучков и сучек,
тех, что с тобою пока не вкусили единой водки,

трудно быть маленьким, сильным, большим и слабым,
трудно быть Достоевским с туканьим клювом,
солнце торчит в твоём небе распятым крабом,
вопленицею выкрикивая у-лю-лю во

всю золотую глотку, и очень оно похоже
на аллилуйя, да только тебе ли спутать,
трудно быть человеком — глазастым щененком Божиим,
трудно, но стоит попробовать на минуту

Театр абсурда

*Прячься в логово свое,
Волки воют: «Ё-моё!»
Из Бродского*

Мой сорокапятiletний герой,
мой демонический Homo Archangel,
воешь? Опять разлетается рой
футуропланов твоих эпохальных.

Что твой мобильный перпетуум? Сдох?
Злая жена подложила колючки,
злая любовница всыпала блох, —
вновь довели тебя бабы до ручки...

Плачешь? А я вот не плачу. А я —
даже не баба, не номер мобилы,
вечно ломающейся... Я — Змея,
родственница самого Крокодила!

Нашей породе пристало рыдать
только над завтраком (Впрочем, фольклорно
это настолько, что прямо беда!)
Это о том, что мы плачем притворно.

Нет, мы жалеем вас, жертвы любви
или же голода — что равнозначно
для динозаврски-холодной Змеи...
Но и такие, случается, плачут.
Ядом. А может, святою водой.
Но не слезами! Как бабы — не смеют!..

...Первой едой моей был молодой.
Ты, мой последний, намного вкуснее...

Пегасоитие

Татьяне Аиновой

Я заражен нормальным модернизмом,
а Вы, мой друг, заражены оргазмом.
Смотрю на Вас, как малолетка, снизу
вверх, расчищая почву для пегазмов.

У Интернета моего загрузки
нездешние, как у старух маразмы.
...А Ваши руки – это чисто музмы,
а Ваши очи – это просто сказмы,

а Ваши ноги – это просто тучи:
раздвинутся – и я увижу солнце,
моя рука его, как лампу, включит,
и будет свет в ночи – священный нонсенс.

И пошатнется вдруг большое небо,
на Ваше малое взглянув несмело...
...На языке моем живут фонемы
и спрыгивают с губ на Ваше тело, –

и по плечам, по бедрам и лодыжкам
бегут на водопой у капли пота,
чтоб и о ней сказать не понаслышке
в моих пегасоитческих работах.

Я скотоложец. С чертовым Пегасом.
То я его, то он меня... А лучше
бы с Вами, потому что нет мне спасу
от этих пальцев – ящериц живучих.

Хрусталик Ваших глаз, – конечно, призма,
и сквозь нее Ваш преломился разум.
Я заражен тяжелым васлюбизмом,
а Вы, мой друг, заражены отказом.

Проклятый конь с нехилыми крылами
не сено жрет – мозги сгрызает зажи...

Во всей этой игре между полами
поэты забывают про пейзажи,

про философию, про каплю яда,
что тихо травит Божии законы...
...А Ваши зубы – белые котята
в корзинке рта, уютной и бездонной.

Эксперимент показал, что

мужчина — не Бог. Заявляю открыто.

И даже любимый, и даже убитый
тобой от тоски, от тупой безнадёги,
ну, чем-то тяжелым, ну, там, на пороге,
когда уходил — уходил и не видел,
что больно кому-то, что кто-то в обиде,
что кто-то завоюет сейчас собачонкой...
Вот тут и убила. А после, в сторонке
присев, набрала номерочек заветный:
«Идите, вяжите...» А, может, соседке
сказала... А может... Да, в общем, не всё ли
равно, если больше не будет веселых
встречаний... уходов и слез на пороге,
и чувства, что не упокоена в Боге...

...Но этот — не Бог почему-то — хоть тресни!
Лежит. И не встанет. И не. Не воскреснет.

О том...

О том, как маршрутке махнула рукой,
а та пронеслась, негодяица, мимо,
о том, как шептала себе: успокой
проклятые нервы – как будто терпимо
и то, что она укатила, смеясь,
держалась при этом так прямо и гордо,
как будто бы вел ее киевский князь,
как будто природой ей дадена хорда...

О том, как пустели ее закрома,
о том, как луна отбивалась от стекол,
о том, как луну отбивали дома
в таком кураже волейбольном жестоком,
что будто ослепли от этой игры,
а я подавалой была, за площадку
когда вылетала луна, а миры
болели, крича, и в таком беспорядке

пытались оспорить неправильный счет,
«на мыло судью» и вцеплялись в сусала...
А я сочиняла: чего бы еще
им делать? ... и – «чепчики в воздух бросала».
...О том, как искала глазами такси
и знала, что ночь и что больше не буду..
О том, как просила себя: не проси.
И как ни старалась на рифму Иуду

не ставить, а все же другой не нашла
(не «чуду» же сдать ся со всем своим «взрослым»
цинизмом). О том, как искала тепла...
А холодно было... А было промозгло...
А было... Неверие в чудо и то,
что чудо чудило без всякого *верья*.
...О том, как маршрутка сиамериканским котом
в мои прошмыгнула закрытые двери...

Новая Татьяна

О, безответная сладкая злая *любоффф!*
Небо стоит вертикально — то Божий экран.
Смотрит Он фильмы про Землю, про тысячи лбов
с метками Каина, пьет недоскисший айран
из облаков — дойных коз, что доятся слезой...
Щелкает пультом, находит кино про меня:
скучно, банально, но надо взглянуть хоть разок,
вдруг там не то, что терпимо, и надо унять.

Что же мы видим: я просто смотрю на *него*,
просто смотрю. Будто губка, вбираю, как свет.
Скучно, банально, но надо отслеживать: вот
слово сказала ему — получила ответ...
Чуткое счастье, как бронзовый звон позвонков:
чувствовать шею, видеть сквозь воздух, еще...
О, эта острая, тихая неналюбовь:
не подойдет и не ляжет лицом на плечо,

не прикоснется и прикосновенья не ждет, —
вечно пространство меж нею и телом живым,
вечно и время, что брошено камнем в полет,
на ультразвуке небесном заставлено выть.
Только и может, что впитывать, есть сквозь зрачки
и *резонировать* лирикой, тонкой, как жечь,
и отзываться молчаньем на зовы тоски,
и ничего не иметь, ибо все уже есть,

ибо... И Богу останется только зевать,
глядя на это, и Он ей идею письма
хитро подсунет, чтоб заговорили слова...
Это картину подразнообразит весьма.
...Меж неписьмом и письмом — лишь мгновенье одно,
то, когда в ящик бросаешь: забросил — и не
вынешь уже... Это ВСЁ. Только Богу равно:
главное, происходило чтоб что-нибудь с ней...

И происходит... Она поддыхает. Гробов
этих у Бога скопилось довольно внутри.
О, нутряная ты язвина, тихолюбовь,

лучше молчи, не юродствуй и просто смотри...
Просто смотри, ненавидься, не дай разорвать
струны твои, что сквозь небо до звезд допоят...
И не посмеет Господь полусонно зевать,
чувствуя тихую жуткую силу твою...

* * *

Ты плакала над сломанною куклой...
Потом — над двойкой, после — о любимом,
потом из-за детей, потом у гроба
родителей. Затем лила ты слезы
по красоте ушедшей. Напоследок —
о старческой ненужности. А где-то
забывшая тебя твоя кровинка —
сама сквозь слезы красоты ушедшей —
одной рукою обнимала дочку,
что горестно рыдала о любимом,
другую — гладила ее сестричку,
что плакала над сломанною куклой...

Чудеса бывают лишь под Новый Год —
и развенчиваются под новый день,
оставляя в жизни резкий поворот,
и на сердце — синевою — полутень.
И в руках — перо синицы. И перо
уверяет, будто в птице есть алмаз.
Вера в чудо и неверье — всё старо,
словно взгляд святых средневековых глаз.

Вера в чудо, этот сладкий приговор!
Четвергует и сжигает каждый час.
И пока я, воскресая до сих пор
сотни, тысячи и миллионы раз,
понимала, говорила: «Как смешно!
Чудеса бывают лишь под Новый Год», —
но сегодня, видно, снова суждено
пережить счастливый путь на эшафот.

Не пишутся стихи.
Любовь молчит.
Счастливая – зачем ей распинаться?
От счастья абсолютного ключи
на полочке лежат, числом двенадцать.
Банальностей немислимый обвал,
о том, что первый мне откроет это,
второй – другое...

Вряд ли сознавал
избранник, что меня-счастливой – нет.

Он
едва ли понимал, что счастье – гроб
души, живущей только в крестных муках,
едва ли знал, что по блаженству в лоб
шарахает, что катапульта, скука,
едва ли понял, с кем связался...

Да,
ему устроят Трою с Фамагустом!
А ключики от счастья схватит та,
что, как дикарка, выживает – чувством,
что жаждет быть рабой и госпожой,
эсэсовкой и лагерной еврейкой,
что стала б лучшей из возможных жен
Батью или адмиралу Дрейку,
де Сад и Чикатило морды бы
друг другу били за такую жертву,
ей скальпы скальпелем сдирать с судьбы –
как пыль стирать иному с этажерки,
ей...

Лень.
Ей просто лень.

Она лежит
в уютной не пускающей постели,
медлительно сквозь мозг ползут ужи
мгновений прошлой жизни на пределе...

пересеченном.
Взятом,
как Памир —
в безумном восхожденье инвалидов.

Она лежит.
Ее закончен мир.

И не продлить —
ни болью,
ни обидой...

Ты. В моем доме. С гитарой. На стуле. Ты.
В звуках надтреснутых, в трещинах струн...
В пальцах дрожат отражения улицы,
отсветы фар и раздвоенных лун...

Что ты поешь, я не слышу. Поэтому
пой, что захочешь, что сможешь. Ты — тень
света запретного, шага ответного,
шага сквозь стену в метаньях меж стен...

Комната. Стены мои. В перекрещенных
отблесках струн ты меня вколдовал
всю в отраженье счастливейшей женщины
в паре надтреснутых карих зеркал...

Ноябрь

застарелые вишни
черные
как помада готки
сморщенные
как щеки моей бабушки
падают мне под ноги

поднимаю
обтираю салфеткой
пробую

Вино!

Старость — пьянит!
Попробуем постареть.

Профилактика

*Остановись у бездны на краю,
Покуда не в аду и не в раю —
В преддверии любовного недуга.
Путям для отступленья несть числа.
Еще душа к душе не приросла,
Не больно отнимать их друг у друга.*

Светлана Смоленская

А если проснулся
и понял вдруг:
уже приросло — и намертво.
А если проснулся —
а пальцы рук
паралич-логграммом замерли.
А если проснулся и —
ни-ку-да:
ни в сон,
ни в голодный обморок...
А если проснулся — а сердце... Да
не сердце — протухший окорок —
уже выгрызаемо изнутри
подвальной серой шушерой...
Уже догрызаемо...

Говори!
Покамест еще послушаю.

О том, что какие-то есть пути,
которых число несчитано —
«пути к отступлению»...
От «пусти»
простого до сложно вытканной
интриги во зло, чтобы запугать —
чтоб даже и мысль кошунная
пропала...

Все можно.

А дальше, мать?

Я слушаю, ну же, умная,
ответь. Хладнокровная, проясни.
Серьезная и логичная,
дай руку. Дай руку
и
вы-тя-ни...

Работа профилактичная –
не всякой болезни спасенье: здесь
не кариес бленд-а-медиций.

...и были стоянья у края бездн
у страшной Марии Медичи
и той королевы, что лишь за власть
могла быть любима – собственной
рукою – сведённой – (о, нашлась,
и ей отступлённость!) – ссорилась
с любимым –
при помощи
топора!..
У бездны остановилась – так.

А как по-другому – где не игра,
а сразу все черти – вилами –
в тебя? И в того, с кем страсть – нельзя.
У них это – в книге «Правила...».

Спасибо за строки. Твоя стезя –
твой путь к отступленью – правильный.

Что ты смотришь на меня котом
бешеным? — да хоть бы ты разбилась! —
люстра, что пятиугольным ртом
вопиет мне, что она влюбилась
в серо-буро-вскниженный пенек
тумбочки с налетом из журналов.

...Будто некой истины намек,
вороша страницы их, познала...

Что ты, пятиокая! Смотри:
это только жалкая бумага
с жалкими словами. А внутри —
бабьи цацки из универсама.

Ты же — Солнце дома моего!
Солнце мира, что — мое творенье!
Чище и возвышенной всего
быть должно твое мировоззренье!

Только снова невтопад с утра
ты горишь окалиной распятой,
шепчешь:
«Не создатель ты — сестра
по несчастью. Пятиликий взгляд мой
застеняется рукой твоей...
Этот мир — творение изгоя.
Сколько в нем безликих серых пней
с интеллектуальным верхним слоем
понавыростало! Скольким ты
безвозвратно отдавала память!

...Книги — сумасшедшие коты,
гладимые нежными руками...

Что, не ты со страстью ищешь в них
так необходимые намеки?
Что, не ты вливаешь каждый стих
или повесть — как живые соки

Древа Жизни? Не Познания, нет, —
плод твой не запрещен.
И не сладок.

Только, тварь разумная, поэт,
ты не променяешь на улады
денег, секса, тряпок и котлет,
самодурства, самообольщенья
эти пни, которым сотни лет,
это прорастание Творенья
вглубь корнями.

На моих очах —
не намеки.
Откровенья *сниже*.

...Потому я и люблю, крича,
то, что для тебя привычно ближе...»

О, эта женская лирика, пух тополиный, цветочечки...
Вдовушка, мужа которой убило упавшее дерево,
пишет, что счастлива тем, что он был, и не хочется
ей, чтоб другие писали такое, что ею самой не проверено.
Грустной девчонке семнадцатилетней советует:
«Что ты вся в ранах, в отчаянье грешном потеряна?
Видишь цветочки и пух тополиный, и ветром так
славно качается (...это проклятое...) дерево,
видишь: я пережила и осталась счастливой, а ты еще
не переживала такого», — а девочка морщится:
о, эта женская лирика, чутких чистилище,
старая, добрая, вечно живая уборщица.

А знаешь ли ты, вдовушка, чувствительная к цвету и запаху
моря и сосенок, как это: войти в храм, встать перед иконой,
закрыть глаза, расслабиться, ни о чем не думать, а просто
смотреть «кино», которое «крутит» тебе Бог перед внутрен-
ним взором, — а Он показывает такое, что не запушишь ника-
ким тополиным пухом,

и это в семнадцать, и так изнутри ты расстреляна,
что свет обагрён, будто снег на дуэли, — до бурого...
Ах, нежная женская лирика, валит деревья — и
складирует трупы под их же облезлою шкурою!
А где-то на небе живет Режиссер, и не ведаешь
ты, вдовушка, новых его нерожденных сценариев,
где кажется пух тополиный смертелюю ветошью
на теле Земли, и решенья ее персональные
покуда растут и ветвятся в тупом ожидании
всех этих, что заживо счастливы в солнечных лучиках...
О, чертова женская лирика, о преисподняя дань ее
Иисусу-младенцу, чтобы не взрослел и не мучился...

Судьба пошла наискосок, и линий
с твоих ладоней не смотать в клубок,
чтоб стали руки плоскими, как синий
небесный потолок, за коим Бог
скрывает их немислимые ярды –
клубков таких, чтоб вышивать миры.
Они что шарики на том бильярде,
на коем и планеты – как шары.

Мы встретимся – и спутает котенок,
ручной бесенок, два клубка, и так,
что потолок небесный брызнет темным,
а солнце звякнет оземь, как пятак.
И эти перепутанные нити,
двухцветные, двусущностные, но
одноживые Бог нашьет на китель
себе для форсу перед Сатаной.

И да. И жизневатые жизнишки
и смертеватых смертечек значки
в доверчивых ладонях, как по книжке,
прочитаны и смотаны в клубки.

* * *

Я не замуж пойду, не за дикими сливами,
не запутаюсь в перво-вторых петухах...
Боже, сделай хоть раз Ты поэта счастливою!..
...за такую испетую тему в стихах,

где проклятие утра треклятьем утроено,
где лавиною катится солнечный ком...
...Закрываю глаза, будто дверь за нетронутым
пальцем боли моей отпущенным грехом.

Омерзительно пить отворот-поворотное
антизелье, прокисшее, как «Бифивит».
Боже, Боже, прими мою волю свободную
за совсем невозможность уйти от любви.

* * *

Ты старше меня.
Ты раньше умрешь.
Я стану невидимой миру вдовою:
не рвать мне волос с показательным воем,
не сметь демонстрировать черных одёж.

Ты круче меня.
Ты раньше умрешь.
Есть Божий предел и для самых отважных.
Моими молитвами выживешь дважды,
а втретью... другие пусть молятся тож!

Ты лучше меня.
Ты раньше умрешь.
Такие нужнее в раю — для примера.
А я эпизодом приду на премьеру
кино «Без тебя». В сердце — тоненький нож...

Ты любишь меня.

* * *

Не сотвори себе кумира —
Не полюби.
Желанием земного пира
Не оскорби
Небесные святые очи.
Не променяй
На грешные земные ночи
Небесный рай.

Не сотвори себе кумира —
Источник зла.
Не пожелай звонка в квартиру
И рук тепла.
Не зажигай в алькове свечи,
Не ставь цветы —
Тем образ храма изувечить
Посмеешь ты.

Не сотвори себе кумира —
Душе соблазн.
Чтоб не смотреть — зияют дыры
Пусть вместо глаз.
Костру — уста, ресницы, кожу, —
Но не врагу!..

...Ты видишь... я стараюсь, Боже...
И... не... мо... гу...

* * *

Мой ангел не слышит зова — он
весь там, где Небесный Царь и
где солнце к кресту церковному
привязано, словно шарик
воздушный.

...и невесомее
пушинки, и невесомей
пылинки, и невесомее...

Поминки справляю в доме.

Там глыбы, что камнепадочно
с невидимых гор под ноги
нападали, и так рады, что
о них обрывают тоги
мои Цицероны мудрые
и точные Стагириты,
и головы дивнокудрые,
где лаврами плечи скрыты,
ломают. А с ними в купности
ломаться мне...

Но живется
под треплющимся над куполом
таким невесомым солнцем...

О простых вещах

...писать о простых вещах и о книжных полках,
о сборище дисков на полке, одной из книжных,
о том, что бывает лишь с человеком, только
с одним, которого я каждодневно вижу
в обыденном зеркале, чей подзеркальник полон
шампуней и кремов, и летних сухих соцветий,
и не понимать, где таится несносный холод
души, погруженной в себя, и пытаться встретить
строку о простых вещах, о приходе друга,
стыде перед ним за неубранную квартиру,
о том, что бывает лишь с человеком, туго
закрученном на себе и закрытом миру,
кто знает о простых вещах, о подарке к свадьбе
сестры, о дожде, который на каланнетик
не дал ей пойти, так не хочет, а надо знать бы,
и знания эти сложнее втрое тех кибернетик,
которые, высчитав ритмику, амфибрахий
заводят о богопознание и прочем этом,
чем славится девочка Маша Машина в страхе
почтения перед нею как перед большим поэтом,
который не видит книжных полок, а видит списки
грехов и судеб человеческих пред Вселенной,
который не знает, в котором банке платить за прописку,
и уже год как не ставит себе Интернет из лени
идти договариваться, который не моет груши,
когда желает их съесть, и гостей встречает
недельным печеньем, и хочет писать о душах,
и лишь по себе единственной душу чаёт
постичь; о простых вещах, о попытке связи
с другими мирками, которые каждый сочен,
как эти проклятые груши, чьих безобразий
и радостей слишком много, а мир двучен,
и третьего глаза нет даже у тех поэтов,
кто с помощью листьев травы его открывает...

Сегодня погода будет, по всем приметам,
пора бы на лекцию по изучению ряя...

Твои зубы стучали по краю узора
чаши с водой.

Твои руки — два огненных тореадора
в танце с бедой.

Беломраморной мертвенною сединою
внутренний яд
растекался по нервам, что мертвой водою...

Кто виноват?

Больно слышать тебе: вот костяшки Вселенной
в окна стучат...

Мало прутьев тюрьме — смотрят в мир только стены...

Внутренний ад...

Словно ветви сухие терновые, виснет —
взгляд оплести —
многотысячье рук, проникающих *извне*,
чтобы спасти.

...Только жизнь — это точка, и кажется странным
«После» и «до»...

И стучат твои зубы по краю стакана
с мертвой водой...

Сердце,
В тебе мои глаза.
Верься
В хорошее сильней!
...Просто
Мне было что сказать
Звездам
В разлуке черствых дней...

Жду я
Решения судьбы,
Дуя
На раны из-под век...
Сдаться
Легко ли без борьбы?
Пальцы
Не держат талый снег...

Ветра
Дыхание приму
В недра
Растраченной казны...
Прясть бы
Мне нити по уму —
Счастье б
От скуки стало нить.

Сутки
Веками могут лечь...
Ну-тка,
Попробуй их связать!
Вместо
Вечерних теплых свеч —
В бездну
Смотрящие глаза...

Рождественское

Был бы Он вечно маленьким —
в круге волхвов и ягнят.
Был бы Он вечно маленьким
и никогда не распят.
Был бы Он вечно маленьким —
с руку Марии, — и
радость мы всю отдали бы,
всю Ему, что могли.
Нам бы не знать печали и
быть в умилении
вечном от вечно маленькой
искры Большой Любви.
Не быть бы Ему подростком,
чтоб не теряться в пути,
и никогда бы взрослым,
дабы на крест нейти.
То не вина Пилата...
Времени не простив,
это судьба распята:
детям должно расти.
И вырастают смертники
времени на поклон.
Не воскресают смертники —
лишь воскресает Он.
...Нет, чтобы вечно маленьким —
вечное Рождество!

Был бы Он вечно маленьким —
не было б ничего.

Выстѣбыва — юсь, выстѣбыва — юсь...
Ото новояз! Как в глаз!
Еще бы вас всех, еще бы вас всех,
еще бы туда всех вас —

вместились бы все. Вместилище недр —
словечко — одно на сто.
Извилива — юсь. Из вил еще не
ушел воцеле никто.

Выхрипыва — юсь, выплескива — юсь
в кавычливые тире.
...О горе мое далекое, юс
мой малый во псалтире!

Выямбыва — юсь, выформлива — юсь,
вы — Цве — та — и — ва — ю — си.
По-своему и не фомится мне,
не петрится во смеси

неверия, отречения. Черт!..
...Мой Боже, меня прости:
иудилось мне вечерне еще —
хоть сребренники грести!

...Высверкиваясь, вызвездывал днесь
Господь свое полотно...
Сплетенья телес плетенью словес
и в ноченьку не равно.

Сбивается слог, сбивается ритм,
сбивается мир в испод.
Выдарива — юсь, меня раздарить
по строчке в примеры по

вывертывань — ю, выкручивань — ю
глухих, как могила, строк.
О горе мое, не мучай меня!..
На, Боже, держи оброк.

Ты хочешь, чтоб это было — так всласть
ясырь словяной. Еще
не выстеба — лась, не вылюби — лась,
не кончен еще расчет.

Кы-ысь!... Кы-ысь!...
Ох, и голодаю по тебе...
Так вцеплюсь, что мозжечок
брызнет.
Близь... Близь...
Прячься ты хоть в замке, хоть в избе –
в нашей близи – самый сок
жизни!

Не в глухом лесу, не на ветвях,
не на Древе Жизни и Познания –
я живу в груди твоей – и, ах! –
иногда мне хочется признания
в том, что я не мышца, не сосуд,
не тупой движняк эритроцитов,
а твой личный суд, животный суд,
коим я по горло буду сытой.

Кы-ысь!... Кы-ысь!...
Приходи, миленочек, я жду.
Самый важный провожу
кастинг.
Ввысь, ввысь
голову поднимешь на беду –
и увидишь вместо звезд –
пасти!..

Не в дурном болоте, не в песках
и не на погосте, где твой пращур, –
ты меня найдешь в своих руках –
в линиях и холмиках дрожащих.
Не клади икону под крыльцо –
у меня и ангел сядет в ступу.
...Ангел с человеческим лицом,
на котором все нутро проступит.

Кы-ысь!... Кы-ысь!...
«Господи, помилуй и прости...»
Вместе с маскою идет
кожа.

«Брысь! Брысь!..» –
золотишко в потненькой горсти...
Только выкуп не возьмет
Боже.

Ни позвать меня, ни отогнать.
Если я пришла, то грех молиться.
В подворотне прячущийся тать
покрасивей выбирает лица,
помоложе и поздоровей
тело, ну, а я – покраше души.
Ты налей мне слез, налей кровей –
эти внутривенные пирушки...

Кы-ысь!... Ить,
надоело. Можешь улетать.
Больше плотского в тебе
нет ведь.
Сыть! Сыть!
В кои-то мне веки досыта...
Вновь вернусь я на свои
ветви.

Это было как Божья слеза,
так случайно прожегшая крышу..
У *нее* говорили глаза,
только мир глухоглазый не слышал.

Это было в эпоху поющих машин,
говорящих собак из цветного металла,
это было в эпоху бесполок мужчин,
перетянутого на себя одеяла.

Это было как страшная месть —
— а душа — что застенок ГУЛАГа —
это было как чертова безд...
на вершину взнесенная флагом,

чей носитель погиб на обратном пути
под тяжелою душно-холодной лавиной,
чей Спаситель, распятый на чьей-то груди,
на Голгофу такую явился с повинной.

У *нее* было сердце иглы,
что ко смерти приводит, ломаясь,
даже самых бессмертных. Белы
были зубы Вселенной... Не каюсь,

у *нее* говорили глаза, и о том,
для чего даже Бог не придумал бы кары
в Судный день. Только мир оставлял на потом
все *ее* марианские мыслякошмары,

что умела *она* прозревать,
но сказать не умела ни строчки,
ибо Небо не смело создать
для того звуковой оболочки,

да и смыслов таких. ...И кричали зрочки,
умирая от голода в пиршестве трепа...
Это было в эпоху Закрытий, таких,
что Великими станут на карте Европы —

Евротрой, что скоро с ума
и с души соверзится в тартары.
А Кассандра... Кассандра – нема.
Да и Гекторы искренне стары

для того, чтоб спасти полувывмерший дом,
для того, чтобы крыс выгонять из подвала.
...Это было в эпоху пустых хромосом,
перетянутого на себя одеяла...

* * *

Темная половина
Падает под иконы...
Темная половина —
Болью неразделенной...
Ни оторвать, ни бросить.
И ни «Равняйся!», ни «Смир-рно!»
Воли «господ» не спросит
Темная половина.

Темная половина
Есть у любого солнца.
Темная половина
В праведном сердце бьется.
Если ты счастлив — значит,
Грешен. Иной причины
Нет. Твое счастье — это
Темная половина.

...и Некто, высокий, суровый «дед»,
тебя, салажонка, еще заставит
вылизывать собственный туалет
души языком — и еще добавит
потом, чтобы крепче любил ее —
ах, родину-мать — материнку-плату.
На ней суть единственное твое,
а все остальное — больной остаток,
а все остальное — неси в расход:
и каждый убитый тобой младенец —
— (ах, мысленно!) —
это Ее аборт,
и мира суть каждое спасенье!

И каждый срывной площадной наор,
и каждое слово — и это тоже —
всей сущей сущилище приговор
на то, чтоб тянула, терпела.

Кто же
такой и положит предел — атож! —
и суд ей устроит, да на престоле!

Тяни и терпи, и да будет вхож
в твою материнку кристаллик соли...

Познать свои глубинные слои,
пройти сквозь внутренние извороты...
...И было так, что мёрли соловьи
от собственного пения до рвоты,

и было так, что тихо, как в гробу,
вращало мироздание белками,
и та звезда, которая во лбу,
перетекала в низовое пламя, —

а так хотелось просто. Просто за-
кричать, упившись криком, как бальзамом.
Потом уснуть. И затворить глаза,
чтобы приснились облака над храмом...

...А в них смакует Бог из двух грудин
кровавый стейк, и кровь, как кошка, лащит..
Не отдавай меня, мой господин,
Тому, Кто любит и страшней, и слаще!

Не отдавай! И все равно отдашь.
Мне с Ним тебе, Ему с тобой измена —
явление привычное, как блажь
актрисы, что кобенится за сценой.

Хотя... не так. Иное существо
лишь частью целого умеет значить.
Ты — грешное орудие Его,
которым он меня... решать задачи,

поставленные жизнью, научить
пытается: чтоб ничему не верить
и никому не отдавать ключи
от самой потаенной донной двери...

И грех — Его. Он сам и Сатана.
Контраста грязи с белизной не чуем
иначе, вот и грешен Он — для нас,
Себя растляя, чистит и врачует
нас! ...А почто бы вам, ребята, не

любить друг друга? Душно, оголтело,
забыв предельно вовсе обо мне?
Идите оба. На. Святое дело.

Богородичное

... когда твое болезненное тело —
немыслимая Божья отбивная —
струной, натянутою до предела,
всю ревность ко душе своей познает,

о, братия! — уроды и калеки,
безногие, слепые, зайцегубы, —
желанной только плоть на человеке
бывает, — одному вы Богу любви! —

о братия, не чающие слади
от поцелуев сильных и здоровых,
в раю вас Богородица погладит
и разоймет для вас свои покровы...

* * *

Боль — это прикосновение Бога...

Константин Кедров

Написать на каждой стене,
каждой церкви, каждой лачу...:
«Бог, не прикасайся ко мне!
Я Тебя совсем не хочу!»

Я в Тебя вбиваю гвоздьё,
чтобы только Ты — не в меня.
Да пребудет имя Твое
все святее день ото дня,

только не касайся! Скорбя,
вслух Тебе не скажет без сил,
что совсем не хочет Тебя,
Та, Кому Ты Сына убил.

Пусть всего на три кратких дня,
но Ее Ты не пожалел:
у Нее Ты Сына отнял,
у Нее Ты плоти отъел.

Если с Нею так, что же мне
ждать, чего добьюсь, прокляня
и Тебя и мир Твой втуне?
Просто не касайся меня...

Адвокат Бога

*Вот и Господь – души доспех –
Тобой потеряян...*

Татьяна Шорохова

Небо ночное косится вниз...
Белое, больше млека.
Черное, скажешь? Лови сюрприз:
только от человека
это зависит.

...Белое –
черным во мне раскрылось...
Что бы с душой ни делала,
всё ее Божья милость
где-то обходит поосторонь, –
та, при которой даже
радость уносишь и с похорон,
тащишь алмаз из сажи...

Как ее вымолить, где искать? –
ту, что зовет Любовью –
праведных казни за веру, ад
зверьих арен, костров и
виселиц? Ту, что зовет Добром
Зло – не бывает злее!
Жизнию – смерть... что приходит в дом
медленно, как умеет
только «любитель»-палач. И ждет
близких смиренья. Как же!
Всё получает наоборот:
ненависть, хуже вражьей –
к близкому! «Сдохни давай сейчас!..
Освободи, исчезни!..»

...Мне ли не знать, как мой дух увяз
в грешной моей болезни...
Я ль не прошу: подари мне луч,
черное – золотящий!
Чтобы калека мне стал – «живуч!»,
а поражение – вящим

знаком смиренья, а ночи цвет –
черн... Да в груди пропято:
не от Него все зависит, нет, –
только от нас, проклятых!

Что ты надумаешь – так и бысть,
мир сотворен тобою:
реки желты, а древесный лист –
синь. Называй Любовью –
сам! И карабкайся из дерьма –
сам! Не вини ворога:
Дьявол – плод некоего ума
для оправданья Бога.
Можешь свое ты себе создать
и обозвать Цалькетлем...
Бог – Его надобно оправдать,
Ибо иначе – в петлю.

Что, адвокаты здесь не нужны?
Скажешь: вы только верьте!

...Слышал ли, как тяжело больны –
молят Его о смерти?..

Крёстной матери или История одной души

Эта женщина тише вздоха
прошептала моей душе:
«Лучше думать о Боге плохо,
чем не думать о Нем вообще».

И душа — ей бы только искры! —
подхватила и — вот смела! —
негодяем Его, садистом
и чудовищем назвала.

И из жизни брала примеры,
и цитаты рвала из книг,
и не ведала чувства меры,
и срывалась душа на крик...

Одного дождалась ответа
на кошунствований поток:
«Лучше думать о Боге это,
чем не думать о Нем ничто».

И взъерилась душа страшнее,
и чернее нашла слова...
Ей же: «Вера твоя сильнее,
и живет любовь жива,

чем у благостных и сусальных,
чем у ханжеской «святости»...
Он простит тебе злость и брань, лишь
равнодушия — не простит...»

И в конец душа озверела:
перестала искать слова,
но беззвучно кричала — делом:
черной мессою волхвовать

стала, жизни ломать, как ветки,
и в растленье — да с головой!..

Одного дождалась ответа:
«Всё простит, что во имя Его...»

...и растерянностью накрыло,
и бессилье — как сто лавин:
что б ни делала, ни творила —
всё слабее Его Любви!

«...Как песчинка перед планетой —
даже ад со своим главой —
пред Великой Любовью этой —
Ей не сделают ничего».

...Тихо женщина говорила,
очи дымчатые склоня...
И от слов ее небо взвыло.
И крестила она меня.

Часть 2.
ЕЩЕ СТИХИ

Мне десять лет. Я – женщина-квадрат.
Я только начинаю видеть книги...
Пока еще не ношены вериги...
Пока еще никто не виноват...

Мне двадцать лет. Я – женщина-зигзаг.
Я только начинаю видеть лица...
Пока еще не хочется отбиться
От граммофонья од, баллад и саг...

Мне тридцать лет. Я – женщина-овал.
Я только начинаю видеть будни...
...На парусном я не ходила судне...
...Меня еще никто не рисовал...

Мне сорок лет. Я – женщина-кристалл.
Я только начинаю видеть воздух...
А мир – он для меня, наверно, создан.
И даже Тот, Кто мне его отдал.

Мне сотни лет. Я – женщина...

Новая Кассандра

Вот и прошли времена античности.
Кажется, было еще вчера:
Люди, прямые до неприличности,
Делали эру из топора.

Алчный Алкей распевал на оргиях,
Сафо с Эзопом пускались в пляс...
Боги для мира щипали корпию,
Чтоб к Anno Domini был запас.

Тихо пугали отдельных личностей
Некой Второй Мировой войной...
Я им не верила — там, в античности,
Нежно любил меня Антиной.

Он мои кудри усыпал миртами,
Стопы фиалками перевил...
Пусть хоть расколется это мир!.. И мир
Мне позавидовал — и убил.

...Прятал, смущенный до непривычности,
Очи неверные Антиной...
Кончились вдруг времена античности
Некой второй мировой войной.

Черная, тонкая, нежная лошадь...
Грива — что небо под грозным крестом,
взор — многозначно-расплывчатый роршах,
тело — бывало, видать, под кнутом...

Ну-те дрожать!.. Коль тебе непривычны
ласки — ударю! — видать, знакомей...
Я, бишь, не князь — не боюсь волховичьих
чар: из глазниц выползающих змей.

Реминисценция... Времени стремя...

Выйдем же, милая, в поле вдвоем!

...медленномедленномедленно сщемит
небо меж тучами бледный проем,
и — по тебе: по глазам непроглядным,
по волосам дожделивей дождя, —
покатом, рокотом, роскатом жадным
лето пропляшет!.. а чуть погода,
выложившись, как цыганка для графа,
бубен отбросит и сядет к ногам...

Милая! Затхлых сартреющих кафок,
видишь ли, пыль разгрести — тоже нам,
но не сейчас — перебить черных кошек
всех подчистую — не хватит колов.

...рыжая женщина — черная лошадь...

Милая, где загулял наш Брюллов?

*Вначале было Слово.
Потом люди поняли,
что оно означает.*

Без привычного запаха никотина
невозможно заснуть. Чистота пуста.
Воздух – сам кислород, и его невинной
неподвижностью комната налита.
Эта комната новая мне. Я гостья.
И, как гостье, мне лучшее все: и то,
что здесь тихо, как полночью на погосте,
и хрустально, как в вазе, да без цветов.

Накурить и повесить топор над койкой!
Может быть, упадет на меня во сне...
Воздух – сам кислород, и его так горько
пить: его послевкусие свежим «нет»
отдает... Пусть хозяйева – просто люди
завтра ох, пожалеют о том, что я
пребывала в их доме!

...Когда Иуде
были зеркалом воды того ручья,

где Учителю все омывали ноги,
а потом исцелялись, испив от вод, –
он смотрел на себя и делил на слоги
слово «нет», созн/давая его исход.
Слово «нет» пребывало тогда здорово
и не знало, что станет через века
прокажённным. ...Родимой, кроваво-кровой
мерой счастья, взятого напрокат...

Слово «нет» пребывало тогда невинно.
...И сейчас в этой комнате – свежесть вод,
отразивших неровные половины
смысла, коим Иуда делил его,
отрезая не слоги, а полисемы,
распуская значений чумную сеть...
...А у Слова толпился народ и немо
верил, и исцелялся, чтоб заболеть...

...раз-мечта-лась!

Случай — не опасный.

Твой —

на сверхкоротком поводке.

...а права — фальшивые, как паспорт

в снайперском наемном

вещмешке...

А

права —

порвать! —

избить

в

осколки! —

веру с надей —

меж собой сравить!..

...бабы-звери,

волки-доброволки,

выжившие

выблядки

любви...

Ушла в себя луна
за дымною стеною.
Для будущих гробов
качаю колыбель.
Зачем тебе страна
с гражданской войною?
Зачем тебе любовь
ее — да не к тебе?

Для будущих могил
уже готовы ямы.
Чуть досок дострогать,
чуть недоплетен кант...
Зачем тебе? Беги!
Я — Родина? Я — Мама?
Мне нужен — ренегат!
Мне нужен — эмигрант!

Стоишь. В руках — стихи.
Протягиваешь руки...
О, крылья журавлей,
презревших южный путь
за широту стихий
расейских... на поруки.
Вот верности твоей
предательская суть.

«Я за тебя умру!»
А я тебя просила?
«Я за тебя...» А я,
уставшая вдоветь,
из ослабевших рук
столь многих отпустила,
на стольких подняла
изгнанницкую плеть...

И вот, стою одна
за дымною стеною.
Для будущих гробов
качаю колыбель.

Аз есмь еще – страна!
С гражданской... виною.
Еще храню любовь
мою – да не к тебе.

Против порчи

Есть да-нность. Но еще пытаюсь в нет-ность
себя вгонять. Постыла мне секретность,
где каждый вздох — в усах и в париках,
где на душе, забвением укрыта,
вздыхает у разбитого корыта
старуха, у которой старика —

— да что пиры, дворцы, меха соболы! —
последнего отняли!... В раме боли
любой портрет бессилием силен,
как «Софья в Новодевичьем» ...В раздирах
зрачков блестят стрелецкие секиры...
Да этим ли перстам белёный лен

для плащаницы покрывать крестами
из канители? ...Волчьими хвостами
мне разорили в горнице очаг
завистники. И намели метаний,
бессильных в исполнении желаний
и помыслов — что золото и парча! —

все о глазах, которые живые...
Со мной такого не было. Впервые.
Чтоб звезды резались из десен дня,
а вечер был бессонницей беременн,
чтоб стыл в груди незванный Анн Каренин,
а поезд вел охоту на меня —

тяжелый, безнадежный, непоказный,
как вдовий вой на дню стрелецкой казни,
как звон над Новодевичьей тюрьмой,
где из келейки еле видно солнце...
Царевна! Помни! Мы еще прорвемся!
К бессилию завистников — вернемся
в глубинной чаше памяти потомства —
уже за то, что принимали бой!

Зимняя Кришна

Давай, Заратустра, зараза, колись:
куда мне пойти, чтоб хоть где-то остаться?
Христа, твоего по профессии братца,
я слушала долго, но вот разобраться
в его письменах не смогла. Будто слизь,

сосульки болтаются на бельевых
веревках: зима подползла незаметно.
И так симметричны, как смыслы в приметах
народных, тела круглобоких, монетно-
холодных, вонзающих угли под дых

чудных идолиц, не готовых прожить
и дня, но силком отправляющих память
в ту степь, где не знало послушников пламя
твое, Заратустра. Безвременный камень
его заменял. Высекали ножи

сведенные длани, безрадужный зрак.
И холод монетный не плавил зной,
рожденные долгою сушью степною,
которая может быть помнящей Ноя
в своей долготе... Заратустра, ты прав:

огонь — веселей и теплей, и еще
дешевле, душевней, душистей, душенее.
Я здесь остаюсь. За стеклом — стекленеет.
И скользкие когти слюды, цепеня,
скребутся туда, где уже горячо.

Не живет поэзия без «ты»
-сячелетий, прожитых попарно.
...гласную в костюме безударной
я не выдам, так же, как кресты
вместо подписей в контрактах брачных
не сломаются и в самых мрачных
тауэрах полой духоты,

где уже поэзия — без «я»
-вления народу и без хлеба
из камней — возносится на небо,
руки-ноги со стыдом тая,
ибо нынче модны только крылья.
Что тебе до *sora*, эскадрилья
бабочек, и что до бытия,

где не есть поэзия без «лю»
-бой из двух десятков древних истин,
что цепляют за душу когтистей
якоря, иному кораблю
не дающего сорваться с рейда —
даже в бурю, даже в снах по Фрейду,
где на аннотациях пилюль

писано: поэзия без «боль»
-шого мира, где ее не надо, —
Кремль без Александровского сада
(красота без воздуха), фа-соль
в супе — и без помысла о Верди,
«Тоска» с ударением на *верном*
слоге, бесхарактерная роль.

Отпусти поэзию. Пускай
ходит кабаками, менестреля,
голой вылезает из постели,
посмотреть: не взломан ли сарай? —
а не обязательно — на Геспер.
Пусть излечит сифилис и герпес,
прежде, чем — в неизлечимый рай.

* * *

Господи!..

 Как он растёт —
 кипарис! —
что наконецник копыя Святогора...

...Сможешь ли, дерзкий поэт-футурист,
дать ему слово?

 А в слове — опору?

...Буря грозит иступить остриё,
злобно ломая зеленое тело...

Господи!.. Это — само не своё!..

И не поэтово дерзкое дело.
«Юноша бледный», готовый на риск
словораспила для мозгопрогрева,
видишь ли, «*кипа*», «*пари*» или «*рис*» —
тоже слова.

Но дрова, а не древо.

Верю в тебя. Ты талантлив, речист —
Смело влезай на сверхумную гору!

...Боже!..

 Как рвется,
 крича,
 кипарис
из-под земли!..
 ...словно дух Святогора...

Не все ль равно, куда сходить с ума?

Александр Кабанов

Болезни — это, право, не беда.
Они — лекарство. Помнишь ту ангину,
с чьей помощью протухшая вода
любви с тебя сошла наполовину?

А то — не видишь и в глазу бельма,
когда саднят сердечные мозоли.
Не все ль равно, куда сходить с ума,
когда уже сошел в чужую волю?

В смертельный насморк? В легкий онкоСПИД?
В кретинеобъяснизм и пара-ночь-ю?
В ипо-хандрилью? В депресньонктивит?
Или в бутылку водки на бессочье?

Когда шизолюбвия обнесла
своим налетом действия и строфы,
не все ль равно, куда сходить с осла:
на вайи или сразу на Голгофу?

Не лучше ли проехать дальше? Кон
еще не сыгран, и король твой матом
не послан... И не так ты высоко,
чтобы сходить с чего-то и куда-то.

Попробуй лучше НА... На гору влезь,
ну, пусть хотя бы на вершину славы.
Она летальна — звездная болезнь,
зато хоть полетаешь на халяву.

Лопе-де-вежская пуша плаща и
шпаги (не путать со штангой – тяже-
та). Лучше всякой бумаги прощает
ныне Всемирка нам все. Неужели

жизнь отличается столько от писем,
как трудодни от работ Гесиода
с той же проблемой? Ужели на жизни,
плащ расстелив, отдохнула природа?

Сверхблагородство в вопросах морали,
сверхосторожность в словах. И на деле
проще всего побывать гениальным,
если пойти умереть на дуэли

в чате от типа под ником Дантес и
тут же отправиться в рай к Беатриче,
той, что при жизни посредством процесса,
производящегося без различий

лиц, золотит себе нимб. Обещай мне
тоже не путать мой рай и спасенье
мною. И прячься за краем плаща, не
веря признаньям Соб@ки-на-сене.

Знает коварная, как все запуще...
Но запускает опять, и, включая
милую лопе-де-вежскую пушу,
помнит, сколь многое та ей прощает.

Русская боль

Во что бы ворваться? Во что бы всмотреться?
Во что бы во...

Господи, останови!

Печоринство – камень нелетного сердца,
Когда ничего не рождает любви.

Все то, что когда-то любила, что било
Когтями по совести злобным котом,
Все это (о, русский язык!) – «опостыло».
Посты и апостолы... После... Потом...

Все то, что в глазах грешным блеском адело,
Все то, что хлестало, как Божия плеть,
Все это (о, русская боль!) отболело,
И только безболию – не отболеть.

В кого бы вцепиться, чтоб было мне мало
Очей и ночей – никому не отдать!
...Все это (о, русская страсть!) отстрадало,
И только бесстрастию – не отстрадать.

Я жизненный смысл никогда не искала:
Он был! – хоть и горек, и солон, и кисл...
Но что-то (о, русская истина!) стало
Шептать, что в бессмыслии – истинный смысл.

Куда бы укрыться? Во что бы вместиться?
К тебе под крыло – успокой!.. упокой... –
О, Сирин! – печальная черная птица,
Рожденная древнею русской тоской.

Маме, врачу, посвящается

Аксиомно. Аксиокна. Аксидвери.
Дом. Вне дома – теоремное безверье.
Бездоказанность – как данность. Как Везувий.
Я иду и снова город доказую.
Во главе угла поставлю ту старушку,
что, смиренно приклоняясь на колотушку,
черно-серою висит гипотенузой,
ни стыда уже не помня, ни конфуза.
Угол прям. Его обходят, не сгибаясь,
чуть косинясь, интегрально улыбаясь.
Иксы, игреки, машины, деньги, лямбды –
на других углах. И было проще там б, да
в серых катетах домов и улиц что-то
чуть надломлено – неверного расчета
будто просит все. Троллейбус – диаграмма:
точка, точка, два менточка... Здравствуй, мама!
Что за взгляд ты принесла опять с работы?
Снова корень извлекала из кого-то?
Из начальника? Да будь он параллелен!
Мама, главное, чтоб люди не болели.
Мама, главное, что каждый острый угол –
это сектор недочерченного круга
жизни... Снова зябко поднимаешь ворот.
Двери настезь в теорему – пиль! фас! – город.

А я летала.

Истинно, когда
принять за воздух воду, а за крыльев
движения — гребки. И чтоб вода
была прозрачней воздуха... Чтоб были
баллоны как приросшие к спине,
точнее, вырастающие, словно
все те же крылья... птичьи? рыбы?...

Нет,
похоже, виснет слишком много слов на
естественнейшем действии — лечу!
От жадности земного притяженья
лечусь. От гулких сталетонных «чуд»,
которым только и дано движенье
по воздуху, по страху перед «Бац!
И — всмятку!» — это и назвать полетом
позорно... Или жалкий ветропляс,
где тело под куском раздутой пленки
на человека не похоже — кто б
посмел сравнить парашютиста с птицей?

Падения всемирного потоп...

Нам воздух — не летать: мы в нем топиться
еще не разучились. Видит Бог,
в нем толком даже и ходить не можем:
все утомляемся и болью ног
страдаем, жаром и ознобом кожи...

А я летала.

Не велел дышать
в воде нам Бог, чем приказал поверить,
что *истинно* летает — лишь душа.

А телу все равно пора на берег.

Беспомощная пустота холста –
без первых бликов, без «Христа народу» –
похожа на отсутствие Христа
в Евангелии с сурдопереводом.

Каким движеньем рук сказать Его?
Скрещеньем пальцев или кругом нимба?
Попробуй выразить на пальцах свод
небесный или солнечного лимба
багровый отсвет, радугу, закат...
Да, жесты есть, но краски и оттенки
невыносимы. Даже звукоряд
безмолвен, как поставленный у стенки
к расстрелу, будто видящий холста
бессилье до движенья кистепальцев...

Одним сияньем глаз скажи Христа...
Да так, чтоб Он в зрачках моих остался.

Кызыл-Коба (Пещера Красная)

Падали капли на грудь сталагмита,
малые капли, немалые души.
Глухо рыдала пещера. Размытых
помнила тысячи дней, утонувших
в тихой подземной реке, миллионы
слабых минут, что сдавались так быстро.
Тикали капли, неслышные звоны,
выше и тише земного регистра.

Много ли, мало ли здесь побывало
тех, кто искал в ней пестрей и красивой...
А находили — плечистые скалы,
полные древней размеренной силы.
Словно храмовники в белом и красном —
нет, и древнее их и потаенней —
высятся рыцари камня, несчастны
в вечных турнирах со временем, пленных
не убивающим, но и на волю
не отдающим — в пространство иное
дева в афинской белеющей столе
только протрет слюдяное окно им...

Много ли, мало... Собачий оглодок,
выеден, выгры... не помнящий мяса,
крови и нервов окосток природы,
как ты до неба без крыльев поднялся?
Как?..
...Поцелуями спящей царевны
не разбудить. Пусть останется спящей,
но чтоб дыхание было напевным,
а трепетанье ресниц — говорящим...

Пизанской башни вздыбленная рысь...
Неправильные тени Иванова...
А белка, превратившаяся в мысль,
мир одарила поговоркой новой,

известной студиозусам с тех лет,
когда незнание притворяться знанием
училось только на Руси... Ответ
всегда не верен. Истина — за гранью.

...Когда бы мелосец века спустя
увидел легкость совершенства, груза
лишенную, — ни локтя, ни перста
для Афродиты бы не взял у Музы.

А наш фотограф Вася? Вечно пьян,
Но в кривизне своих портретов — гений.
Судьба сама решает, где изъян
Добавить к завершению творений.

Я девственница в третьем поколенье.

Родив меня, племянник Кальдерона
потребовал у дяди незаконно
два новых ауто. В припадке лени
тот отказал. А дело было к мессе
в соборе новом, только третьеводни
расписанном. Да славится угодник-
благотворитель... (тихо! О Кортесе,
укравшем этот храм в Теночтитлане
просили *обтекаемо*...) Итак, мы
идем в собор. Не будет ли бестактным
поинтересоваться, вовсе зла не
держа на сочинительницу этой
истории, какого дон кихота
мы там забыли? Такова работа
читателя: все приводить к ответу
стандартному. Но вот уже ступени
ко входу в рай... (Нет, острякам – не «сразу»!)

А вот самодостаточная фраза:

Я девственница в третьем поколенье.

Луганск-Симферополь

Поезд — что большая коммуналка:
спать пора, а не угомонится.
...чертов снайпер... ды... во... ды... сестриц-ца!...
«Чаю-кофе-пива?» — проводница —
бюстовой атакой — в сон... А жалко.

Поезд — как огромная больница:
где-то — храп, а где-то начитаться
всё не могут. И не жалко, братцы,
глаз? — они вот-вот начнут сростаться
с книгой: как в Хефреновой гробнице

свет. А поезд — я в железной коже.
Столики — мои эритроциты.
Килька и сырок у плебисцита —
вирусы мои. *Хай* будут сыты
те, кто мне познание умножит

на десяток килобайт из мира
сумок, тряпок, выгодной продажи...
А потом, жуя и грустно скажут:
«Больше-то нам не о чем-то даже
Вам и рассказать... Хотите сыра?

Нет? Тогда чуток...?» А поезд — нары.
Нары-норы. Тары-бары-сборы.
...А еще, конечно, это город —
тот, откуда... И — опять надпорот —
крепкорельсый шов — *его* подарок.

...чертов сна...

ЕДИНОЧЕСТВО

...Бессильным матом кроется полено
противу смерти медленной в огне...

В конкретно-данный миг
во всей Вселенной
не сущ никто,
чтоб думал обо мне.

Ни мама, ни подруга, ни любимый,
ни Бог вокупе с аггелы Его...
Такой вот миг — весомо-измеримо-
циферблатированный в торжество
недоменяемой модели мира.

А по углам —
не видно
ни черта!

Похоже, и они гуляют мимо.
Оно понятно: комната пуста,
в ней — ни души. Что побирать во плен им?
И тела — ни. Пожалуй, даже — не...

А есть ли я,
понеже у Вселенной
нет ни единой мысли обо мне?

Вещь в себе

Напрасно боролась со мною природа за чувства и тело...
Я стало чудовищем среднего рода, когда поумнело.

Когда мне открылось, что разум и воля – превыше страдания,
Возвышенной самой возвышенной боли – ее обузданье.

...И страшно мне вспомнить, что сердце когда-то дышало любовью,
Что с кем-то я узкой делилось кроватью, делилось собою...

Теперь я в себе. Я спокойно и цельно, как мысли течение.
А то, что я вещь... Ну, так этим и ценно мое превращенье!

Да здравствует Вещность, Неодушевленность, Предметность, Свобода!..
...Еще бы на каждое слово синоним... чтоб среднего рода...

Боже, зачем я струнна, будто скрипка?
Боже, зачем ты играешь на мне?

Рыцарей грозных железная сшибка —
вот твоя нота.

На каждой струне
сотни таких выживает, хватаясь,
ранясь и рванясь, срываясь и рваньсь...

Вот она, Боже,
музыка святая!
Вот она —
с Высшим спрямленная связь!..

...Мне бы — окольной дорогой подняться:
через каноны, молитвы и пост...

Только со мною планеты роднятся,
слышала даже я жалобы звезд
и откровения ангелов...

...Тех, что,
так же, как люди,
двух разных полов...
Даже такое мне ведомо, грешной:
что это ими открыта
Любовь!..

...Наши глаза лишь ее отраженье
с завистью ловят, как зеркало — взгляд...

Наше блаженство и изнеможенье —
жалкий, беспомощный, злой
плагиат
этой Любви по Законам Вселенной
и *единенья*, что радует глаз
Бога...

...На ангельском слова «измена»
нет —
досказалось оно среди нас....

Боже, зачем мне все это открыли?
...Чтобы на сбитой постели, в руках,
что в сотнях войн отвоеваны были,
зябнуть, гоня наползающий страх...

Видно, важна для Тебя эта воля:
чтоб человецы, как псы при луне,
пели Тебе...

Доиграй на виоле,
скрипке, гитаре, кифаре —
на мне...

* * *

Как хочется чего-то горностайного,
Чтоб на душе свернулось теплой нежностью...
В душе бездомные собаки режутся
На слово в кости озверелой стаею.

Как хочется чего-то горностайного...
Не мертвый мех – живое. Но у зверика
Есть коготки и зубки – что Америка:
Снаружи – белопушье, в пасти – тайный яд...

Как хочется чего-то горностайного:
Уснувшего, беспечного и тихого...
Напрасно лезешь на душу мне ты, хомяк!
Грызи свое зерно и не мечтай меня.

На небе — август, на земле — январь.
...Так летен тонкий пояс Ориона,
Так гибок хвостохобот Скорпиона...
А ну-ка, жало смертное, ударь!..

У неба — лето, у земли — зима.
Насмешкою над бледно-стылой кожей
Дорог (о, не порань ее, прохожий!) —
Ковра роскошно-душного дурман,

Где мягкий черный ворс засеребрен,
Изоткан, разузoren, проалмажен
И выставлен счастливым на продажу..
Но на земле — злосчастия сезон.

А на земле слой пыли зеркала
Ее покрыл, и негде отразиться
Ни Вероники встрепанной косице,
Ни Лебеда распахнутым крылам...

В парик под гипсом застарелых пудр
Стыдливо прячет год седые ключья...
Густеют августеющие ночи
Предчувствием стеклянно-полых утр...

Безвременной, вневременной
Останусь я в твоём сознании.
Осколком, вживленным войной...
Меня ты чувствуешь спиной,
Затылком и воспоминанием.

Я не была ничьей женой:
Мадам, миледи или пани.
Я та, с кем дружбу рвут струной,
Но долго чувствуют спиной,
Затылком и воспоминанием.

Как над трибуной, над луной
Столпилось ангелов собрание.
Решают: будешь ли со мной
Иль только чувствовать спиной,
Затылком и воспоминанием.

Их спор, по сути, неземной.
Их просветленному сознанию
Неведом счастья терпкий зной
Быть чьей-то вздрогнувшей спиной,
Затылком и воспоминанием.

Город твой счастливыми глазами

Посвящается Виннице

Я была счастливой, как скряга еще наживой,
позабылись даже слова, что гвоздили очи:
(Говорили родители: «Слышишь, пока мы живы,
ничего не делай с собой, а потом – как хочешь»)

Я была счастливой, был город и эти листья –
в форме сердца с чуть острыми уголками.
Говорили листья: «Давай безо всяких мистик,
прикоснись к прекрасному просто, вот так, руками!»

Я была счастливой, и ягоды алой гроздью
тормошили зрение, вкус и попытки бега.
Говорили ягоды: «Вынь золотые гвозди
(золотые – да гвозди они) из эго».

Я была счастливой, а Вам доводилось часто ль
быть счастливыми столь же, как я – однажды?
Говорили Вы: «Не только сегодня живи и здравствуй, –
это будет снова, и ты не умрешь от жажды».

Я была счастливой, и знала, что это значит.
Будет снова, снова, опять и опять, и где-то
там... Кто одарен многим – многожды плачет.
Это в глазах расблестелась душа рассветом ...

Пусть так, пусть будет: я не сплю
и перечитываю собственный lovegoman,
и каждый лист его тетради так изломан,
и смертно каждое «люблю»,
как будто взято на прицел.

...А где-то мама, что едва ли бы хотела,
чтобы ее глаза я разглядела,
впервые на чужом лице.

Пусть так, пусть будет: аз не есмь.
не нужно азу ничего, за исключением
пустынной трижды пытки корнеизвлечения
обрывков белого из бездн
и бревен из-под конъюнктив.

...А где-то мама, что едва ли бы простила
за то, что я ее ладонь схватила,
другие руки отпустив...

Пусть так, пусть будет: от *него*
я отмираю и решительно умнею:
мои фуршетные бокалы вновь темнеют
в изысканность, но отчего-
то стенами стискивает зал...

...А где-то мама, что едва ли догадалась,
что внучке не от бабушки достались
ее библейские глаза...

Вот лучший из всех сюрреализмов:
сияющие в небе облака.

Под ним Земля, завшивленная жизнью,
уже не кажется больной. Накал
страстей, безумий внутренний излишек
смирятся, почтительно склонясь.

Есть свет и тишина... Есть свет и тиши-
на...

Это значит, не порвалась связь
души с невыразимым просто болью,
той, что умеет многое сказать,
той, что способна выразить любое —
все. Кроме — *этого*. Его глаза —
другие.

Оставляя боли право
на крик, иное право дам глазам:
на свет.

Неограниченный оправой,
неограниченный облачный сезам...

— *Что такое рот?*

— *Питатель тела.*

Из «Словопрений Алкуина», VIII в.

Вы о чем там мне? —
словогрызами,
словопчелами,
словорleaseами...

Слово — вот игра!
Как по нотам! И
словоплевогра-
натометами

не пробить защит
и защиточек.
Словодыр защит
словониточкой.

Все-то ловите
(будто в детстве я...)
равнословием —
словоденствие.

Жирнопловие.
Принадкушанье.
Равнословие.
Словодушие.

Эка занесло!
Ради... *этого?*
Знаете, на сло-
водиете я.

Человеку рот
дан нечаянно.
Слово — серебро,
а молчание —

Лото легло –
верный выигрыш!..

...Что, уже прошло?!

...слововыкидыш...

Совість

Ломаю...

Улыбаются глаза
и губы, словно глупые сироты
у гроба мертвой матери — лица, —
не зная, что она не спит...

Широты
всезвездные открыты для меня,
но я в застенках комнатного ада
сизу и не могу себя понять:
за что себе я не даю пощады?

Ведь я была...
Смычок — наперевес! —
солисткою в вакхическом концерте!..

Сейчас...
Во мне, наверно,
Бог воскрес.
Таких, как Он, не остановишь смертью.

Мой мудрый Бог, Ты знаешь, чем карать:
побудкой совести и покаянья.
Когда б не Ты — была б моя игра
нюансами богаче, многогранней,
и был бы мой смычок руки сильнее
ломающей... Моей. А чьей иначе?

Да кто смертельный кол забил бы мне,
под сердце, как не я? — с Твоей подачи...

Не бойся, Бог.
Не будет ничего.
Я силой не возьму свое лекарство.
Я слышу стоны тех, кто без него
не выживет, чье многолетне рабство
у этого наркотика.

Мое —
всего полгода.
Выносима ломка.
В рифмованных последствиях ее
еще поразбираются потомки.

Баллада о мертвой воде

Лабиринтами боли проходит свинцовый комочек...
Млечный Путь нависает над крашенной в серое тьмой.
Безобразие скал – словно Бога подпившего почерк,
Дописавшего эту часть мира уже в выходной.

Хрипы птиц соскребают с небес полусгнившие звезды...
Воздух – будто стекло, а они – словно гвозди в руках
Абсолютно глухого, решившего выместить злость на
Невиновных, но слышащих... дышащих... знающих страх...

Здесь убийцам вершить свои тихие тайные страсти,
Здесь, под скалами, прятать чудовищных маний следы...
...Как ты здесь оказалось, случайное детское счастье,
Испятнавшее крылья в чернильнице мертвой воды?

...Лабиринтами вен проползает свинцовый комочек...
Млечный Путь нависает над смазанной в липкое тьмой.
Безобразие счастья – как хитрого дьявола почерк,
«Передравшего» мир, пока Бог почивал выходной.

В глухом провале собственного дна
все «он» — один, а все «она» — одна.
Быть вместе — только прикасаться дном
ко дну, — для утверждения в одном,
известном, но забытом:

«вместе» — нет.

Есть только дно от «вместе», а на дне —
попыток недопытанных обрыв-
ки, памяти гноящийся нарыв,
а то и рана, тонко скрытый шрам...
Где дно за дно задело — это вам
не поцелуй, не двух бокалов звон.
Здесь звук другой: проржавленный

«безззз-доннн»,

«безззз-дннна»,

«безззз-дннни»,

«безззз-годы»,

«безззз-всегда»...

...верна...

...верни...

...Холодная вода
у дна, темна, мутна, безжизна, но —
*нет «вместе», если не познали дно
друг друга* — и не вырвали на свет
крик ужаса...

В глубинах — «вместе» — нет.

В глухом провале собственного дна
оно одно: — о, дно!

Один.

Одна.

Чернуха

Я тебя – выскребу!

Я тебя – выброшу!

Город-гнилятина,

город-отход...

Краска облезла –

а в золото выкрашен

сор.

Так туда тебя! –

в соропровод!

Бары – на свалку,

лавчонки – в утильницу,

храмы...

оставлю, покуда стоят,

но и на них не хватило бы мыльницы

весом в сто совестей, сдавленных в ряд.

Да и не Боженьке этою глыбиной их отмывать...

Он, бывало, чуть что –

в морду – потопом!...

...Из наших кулибиных

спетрить ковчег не сумеет никто.

...Тучки небесные, вечные данники

жирной земли –

ей заплатят за век!

Если топили мы даже «Титаники» –

немошен таким будет ковчег.

И не найдется ни мышке, ни кролику

места, не втиснется даже микроб

там, где взведутся черные стволики

в беленьких ручках...

...где пулею в лоб

выбьется за борт голубка-предвестница,

к которой назначен был Божий ответ...

Да и не нужен он...

...да и не крестятся пальцы такие!..

Да весь этот бред

стоит потопа ли?

Даже обмылочка?

Надо быть проще с тобой, человек!

Будь я Карающей Дланью —

так

смыла

бы

этот желудочно-грязный ковчег!

Я пыталась создать монастырь на дому.
Всё вела по уму. Но тогда почему
не вошел в него Бог, не принес благодать,
не изволил мне тишь и смирение дать?
Почему, у иконы молясь в полутьме,
я другое лицо рисовала в уме
и другому шептала под видом Небес:
«По Тебе до великих тоскую я слез...
По тебе изнывает душа, Святой Дух...»
Но один монастырь — не вместилище двух
осторожных, ревнивых и черствых богов.
Не сошла благодать, не взломала оков.

...И настал тот предельно-беспамятный час...

Рухнул идолом русичьим иконостас,
ноги жарко топтали иконы, и кровь
Приснодевы струилась, пятная покров,
руки дрожно кромсали ножом образа,
вырезая такие слепые глаза...

Это просто картинки!
В них нет ничего!
Никогда не жило
в них
мое
Божество!
Никогда через эти лубочки
Оно
и не видело вовсе меня!
Ни одно
мое слово
не слышало!

...Только теперь
не заткнешь свои уши, Божественный Зверь!

Зацени-ка
молитовку русскую,
Бог!

Как тебе эти доски, обрывки у ног?
Этот втопанный ладан, разлитый елей?

И – за это! – сойди и меня пожалей!

...Что ж...

сгребу эту кипу застывшей рукой
на совок... Эх, обрывок свалился... Какой?

Не ликует, а в боли корежится бес!

«...по Тебе до великих тоскую я слез...»

Новая крестьянка

Вставай, дорогуша. Дела неотложны.
А боль подождет. За делами – примнется.
Вставай, поднимайся, пока еще можно,
пока еще ноги дойдут до колодца.

Ужьем коромысло вползает на руки
(наводит на мысли о стрелах и луке
изгиб...)

О стрелах и луках, базуках и кольтах
и прочем убийстве моральных уродов.
...А в небе вода так похожа на боль, так
измучены тучи предчувствием родов

неправильных, трудных, с руками хирурга...
Ползи, ё-моё, да поможет мне ругань!
...Мозги

устроены так, что любовь им – как вирус
компьютерный, неуловимый «Касперским».
...Во сельской церквушеньке весь ее клирос
поет о Любви... А душа изуверски

вдолбила себе: и греховно, и стыдно...
А как? Если в дебрях кромешных не видно
ни зги?...

В уродстве людском полюбить – не найдется.
И даже на злую любовь – ни козлищи.
...Заплевано дно у пустого колодца
Водица исключилась. Скоро и пища...

Быть может, река мне поможет с водой?
Знакома, родимая, с бабьей бедою
и с гиб...

Плечи — чтобы шаль нести,
крест нести и мантию...
Индивидуальности —
Богу сопроматие.
Опытно-особые,
Разные — как пробные.

Ангелоподобие:
Ангелы — подобные.
Ангелы — стандартные,
По шаблону кроены,
Одинако-ватные,
Свыше удостоены
Идеально лучшего,
Идеально точного
Облика. Получены
Из одной реторточки,
Из одной пробирочки
Божии по-клон-ники.
С номерами бирочки
Надобны по логике,
Да и те не выданы:
Все достойны первого
Номера. С обидою
Не знакомы. Вервием
Зависти и ревности
Крылышки не связаны.
«Кто таки? — не вем еси...» —
Говорят о нас они...

Чем мы не такие же?
Нам откуда казни все?

На плечах грехи лежат,
И — грехами! — разнимся.
В остальном же — о, краса! —
Выкройкой размноженной
Созданы по образу
И подобью Божию.

Новая Клеопатра

*Ах, далеко до неба!
Губы близки во мгле...
Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!...*

Марина Цветаева

Стучится кто-то в ночные ставни...

Но у хозяйки –

рука пуста.

Я променяла

Христа

на

фавна –

и вот теперь я

боюсь

Христа.

То Он скребется в мой дом убого?

Но как впустить

под

горящий

кров?

Ведь человек,

заменивший Бога,

железной плотью моих замков

стал.

...Ночь шатается, как девчонка

на шпильках материнных сапог...

Царицы вечно идут на трон, как

на электрический стул.

У ног

свернулись тигры, орлы и звезды,

лобзая царственную парчу.

...И человек,

заменивший воздух,

он тоже здесь!

Но... я не хочу!!!

...Нет, «не хочу» — это слишком гордо...

Сейчас не гордость —

хотя бы

жизнь...

Я

не-

мо-

гу!!!

...Поднимает морду мой первый тигр...

И уже зажглись

углями звезды в пыли соблазна...

Я

не

мо...

немо...

немею...

Нем

и человек,

заменивший разум, —

готов

со мною

гореть!..

Зачем?!!

Не потому ли, что я —

кумирня

сама?

и, ризою золота,

я заменила

и ум,

и мир

не

впустившим

в страстную ночь

Христа.

* * *

Мы психологии приказ
Легко и свято исполняем:
Мы любим тех, кто лучше нас,
А тех, кто хуже, – презираем.

Но в шоке болевом весь час
Сгибаются – кто понимает:
Нас любят те, кто хуже нас,
А те, кто лучше, – презирают.

Все, кто пишет стихи, почитают сегодня стихи.
На больницу нас много таких — видно замкнуто время.
А пространство разомкнуто — листья его, лопухи,
слишком застыт глаза наши — карие стихотворенья,
серо-синий размер, светло-чайные рифмы, еще
эти черные жгучие образы старой цыганки...
Я мечтаю о желтом, который не жжет, не печет.
Я желаю зеленых, которым неведомы банки.
Я читаю стихи, мне кричат: ничего не понять,
слишком умно, нежизненно, сложно и сложно и сложно,
а у мальчика Васи, подумаешь, рифма на *-ядь*,
но зато так правдиво! ...Я перелистну осторожно
душу мальчика: *яди* его походульней моих
фаэтических образов, — он и во сне их не видел.
Просто болезненно это. И ломится, ломится стих
в дверь больницы: пространство на *яди* и *яды*, и *иды*
и *наяды*, и *ямы*, и *ямбы*, и *бабы-яги*
расколосось, сложилось — и, кажется, снова все шиз... нет,
все, кто пишет стихи, прочитают сегодня стихи —
в мир непишущих бросят простые и сложные жизни.

* * *

Давай скорей, дари свои цветы,
пока еще земны мои минуты.

Пока еще не знаю чистоты
прыжка над нераскрытым парашютом
и крика, что взрывает облака
и заставляет ангелов метаться,
и мысли: «Их покой — в моих руках», —
и мне решать: быть с ними ли, остаться
среди ходячих, или, удивив
и тех и тех, зависнуть в межрешенье...

Дари цветы и громче о любви
шепчи, мое земное притяженье.

Удержи меня ребенком
На руках...

Гололед. А я на тонких
Каблуках.
Гололед. Под ним озерная
Вода.
Сапожком своим проворно,
Без труда,
Проломлю настил и кану
С головой...
Удержи меня, желанный,
Над водой!..

...Ты же знаешь, подо льдиной –
Зябь и мгла,
Там последняя ундина
Померла,
Там ее прабабка в стыни
Не сгнила,
Там лежат они поныне
Без тепла...

Ты же знаешь, я боюсь
Таких чудес!
Льдины всхрапывают хрустом...
Слышишь – плеск?!!
Удержи, пока не поздно,
От темна!!!...

В полынье остыли звезды...
Не нужна.

Стою, отдыхаю под липами
под ритмы собачьего лая.
Больна, как Настасья Филипповна,
сильна, как Аглая.

С короткими слабыми всхлипами
река берега застиляет..
Люблю, как Настасья Филипповна,
гоню, как Аглая.

Мне б надо немного молитвы, но
в спасение вера былая
мертва, как Настасья Филипповна.
Жива, как Аглая,

лишь память. Врастая полипами
в кровинки, горячкой пылает
в душе у Настасьи Филипповны,
в уме у Аглаи.

Но либо под облаком, либо над
землею — в полете поладят:
с судьбою — Настасья Филипповна,
с собою — Аглая.

Я тоже не просто улитка на
стволе. Оторвусь от ствола я.
Сочувствуй, Настасья Филипповна.
Завидуй, Аглая.

Не бросайся в глаза мне, прекраснейший мир!
Я хочу быть одна. Не хватай, отпусти.
Ты прекрасен, но тот, кто готовил твой пир,
Не забыл и чуюмо тебя угостить.

Не буди меня солнечным светом в окно,
Не ласкай меня ветром в амброзии трав.
Я хочу отдохнуть. Мне давно все равно.
Я объелась твоих утонченных приправ,

Что горчат и острят, обжигая нутро,
Обращая живое в скелетный остов,
Загоняя осколки ножей под ребро,
Распиная на нервах десятки Христов...

А взамен — только солнышко да ветерок,
Да улыбки ненужных, готовых прощать.
Выживание — слишком тяжелый оброк
Выживанию, если ты сам в палачах.

...Это просто любовь, это лишь человек,
Что такой же, как все, раб твоей красоты...
Но довольно ему твоих солнечных нег,
А вот мне почему-то не надобен ты.

Пусть хватает другим костылей и подпор,
Тех, что ты подставляешь под свой же удар.
О, прекраснейший мир! О, прекраснейший мор!
Ну же, дай мне мое невозможное «да»!

Нет? Тогда отцепись с красотой. Убери
Свои лапы в роскошестве звездных перстней!
— Дорогая, вот это закат, посмотри!..
Только он почему-то не надобен мне.

Эго-Истина

Сердце за боль — ни ругнуть, ни прибить,
в угол ни вдвинуть.
Боже, бывает так больно любить!..
Даже взаимно.

Господи, может быть, Ты не про всех
знаешь и видишь?
Просто не всякое сердце за грех
в угол задвинешь.

Что есть такое любовная боль?
Ряд наблюдений:
кто-то становится тупо тобой
вне позволений,

кто-то в тебе стопроцентней, чем ты...
Господи Христе!
Кожи и рожи не так уж толсты
на эгоисте.

Во Эго-Истину!
Бой — на убой!

Любы сдираем,
зная, что Ты — тех, кто — тупо — Тобой —
в шею — из рая!...

Глуп – кто меняет парчу на рубище,
Власть и палаты – на склеп и схиму..
Я разогнала полсотни любящих
Ради нелюбящего любимого.

Я выбирала сама – без помощи
Божьей, inferновой, человеческой..
Я никогда не была беспомощной,
Плачущей, слабой и опрометчивой.

Я никогда не летела *окрыльем*
По мановенью руки небрежной
И не пыталась извлечь из окрика
Злого хотя бы полноты – нежные.

Я никогда...

Потому на гульбище
Стен и замков выбираю тешиться.
...Да вот под дверью – полсотни любящих:
Золото, смирна и ладан – грешнице...

Что ж! Аппетита вам всем приятного!
Видите – пали одежды модные..
Мясо на вертеле – и распятое,
Да к воскресению непригодное!

Что, испугались меня?! Лохматую,
В черных потеках ресниц оплавленных.
Губы – рассветом, глаза – закатами,
Пальцы в дверном косяке раздавлены...

Вот и ушли... Поделом, «крысавица».
Ты никогда не бывала брошенной.
...Кто это взглядом меня касается?
– Милая... Маленькая... Хорошая...

Броситься в руки простому мальчику?
Добросердечному, волоокому..
Я никогда не была обманщицей.

Руки расходятся – одиноко им...

О, твоя красота!
Золотых бы монет,
Чтоб швырять, не жалея —
Пляши, ма-лад-ца!

Ты похож на Христа,
Но в тебе Его нет.
Тем вода холоднее
С такого лица.

О, твоя красота!
Слишком знаешь о ней...
Голословна, как мат, —
Сразу вижу: нужна.

Ты похож на Христа
Вне хлебов и камней.
Вместо Божьих стигмат —
Человечьи стегна.

О, твоя красота!
Ни боюсь, ни смеюсь...
Я ее пририфмую
И к тем, кто не я.

Ты похож на Христа,
Что сказал: «Ну и пусть!
Захочу — и минует
Мя чаша сия!».

Исколи меня, Боже, терном и
Вырви гвоздем из тела жилы...
Я любила его «по-черному»
И «по-черному» присушила.

Слова тайного многоядием
Я поила его, как медом.
Оплетая руками, прядями
Долгих кос, отняла свободу.

А теперь покрываю косы те
Вдовьим платом — да чье вы, люди,
Тело в черном гробу выносите,
Как отгрызки костей на блюде?

Да не я ль изглодала кости те
До последней живой мозжинки?
Что вы, люди, глазами косите?
Ой, докоситесь, девки-жинки!

Ведь у каждой — у каждой! — под сердцем
Рана старая — или новая.
Дай вам волю — вгрызетесь по-черну!
Но свою не скажу вам слова я.

Я свою не отсыплю зелья вам —
Трав кощунственных, в аде корнием.
Чтоб не знали, как в счастье хмелевом
Распускается горе черное...

Новая Шахразада

О, скажи, султан мой, где твой нож,
Сабля, плаха, тонкий шнур из газа?
Тысячаединственная ночь...
Я уже не знаю больше сказок.

Я уже устала говорить
Ложь в глаза, а правду — через пальцы.
Тысячуразорванная нить...
Сердце — шелк, а сила воли — пяльцы.

Отвернусь от света — слезный блик
На щеке пригасит тень портьеры...
Твой гарем, как этот мир, велик,
Почему же стук — лишь в эти двери?

Да, могу красиво излагать,
Петь, читать и сочинять касыды,
И легко за сказки выдавать
Песни о Роланде и о Сиде...

Только сколько бы ни знала я
О походах против иноверцев,
Но султанша старшая твоя
Главную останется на сердце

В окруженье принцев, что шутя
Ятаганами рабов итожат,
И царевен, что таким, как я,
Прицепляют броши прямо к коже,

Запрещая крик — до немоты...
А вот мне за что-то — исключенье.
Видно, знают: шпильки их — цветы
Рядом с терньем твоего влечения.

Вместо сказки — правда! Вынь же нож!
Яду, с башни, на кол, в море в путях!...
Тысячаединственная ночь...
Тысячапоследняя минута...

* * *

Я так устала, словно муха, биться
В стекло тюрьмы, открытой лишь в *него*...
Я отказалась за него молиться —
Казалось, счастлив он и без того.

Когда входила в храмовые залы —
За всех просила. Только одному
Ему в свече заздравной отказала —
Казалось, не нужна она ему.

Здоров, красив, богат, доволен жизнью...
Уж лучше помолюсь я за того,
Убогого... На нем лохмотья виснут,
Душа и кости — больше ничего.

...Нет, есть еще зияющие раны...
Кричащие, как двадцать лет назад
Измученная женщина в заздравной
Свече ему решила отказать...

В день Покрова утро раннее
В ясный перезвон оправлено.
Чем же ты, душа, изранена?
Чем ты, грешная, отравлена?

В храме мне старушка мудрая
Прошептала: «Богородицу
В этот день проси о муже ты —
Так с повериями сходится».

Я же рассмеялась, грешная:
«О жене пускай изводится
Милый друг. Но тут сердешного
Не спасет и Богородица!»

Вопрошала вслед пророчица:
«Коль невинности загубленной
Оправдать себя не хочется,
То зачем тебе возлюбленный?»

За церковною оградю
Дерзкие слова послышались:
«Мне мой сладкий тело радует —
А душа его мне лишняя!»

«Ну, так знай, — сказала старица, —
Над дружкой твоим уж молятся.
Тело — у тебя, красавица,
А душа — у Богородицы»

Тень

Ты боишься женщины в себе,
Стать мечтаешь бестелесной тенью,
И с собой в мучительной борьбе
Ты напрасно ищешь утешенья.
Горсть таблеток, чтоб не видеть снов,
Где прекрасна ты и так желанна...
Только мир сильней. Как он суров
Красотой и болью первозданной!
Как ни лги сама себе, но тот
Есть на свете (о, как все банально!),
Кто тебя не ищет и не ждет.
Оттого больна ты и печальна,
Что идет он под руку с другой,
Той, что не боится быть прекрасной,
Что у ста таких, как ты, покой
Отняла и просто не отдаст им,
Кто сильна природностью своей,
Хоть ума с рожденья не имела,
Состраданье неизвестно ей,
И на тонкость чувств плевать хотела.
Но она идет по головам
Тонких, нежных интеллектуалок.
Что ей эти тени, этот хлам?
Их за женщин-то когда считала?
Для нее ты — червь и муравей,
«Тварь дрожащая» — перед богиней.
И глаза поднять свои не смей
Перед шлюхою, филологиня!
Сядь в углу, читай себе Камю
Или Библию. Она ответит
На вопрос извечный: почему
Телу легче, чем душе, на свете.
Ты душила — так и впредь души
Чувства. В монастырь иди смелее.
Лучше стать святой, когда грешить
Все равно таланта не имеешь.

От сотой боли не умрешь.
Умрешь от первой.

Когда еще ни слово «ложь»,
ни орган «нервы»
тебе неведомы досель,
когда все ясно.
И правит миром карусель
тебе согласных
дней, обстоятельств и вещей,
людей, эмоций.
Да есть такое вообще,
чего «ще хоццо»?

И вдруг — такое! И — «со мной»?!
Как пуля в спину..
Как червь сквозь яблоко — струной —
до сердцевины...
Как ядовитым кулаком —
в глаза... И стало:
И Бог — не Бог, и мир вверх дном,
и куча мала,
и смотрит друг твой что гюрза,
вот-вот проглотит.
И ты — по самые глаза
в чумном болоте...

Да что же делать, если не
петле отдаться?
И сделать надпись на стене:
«Простите, братцы!»...

Но... оборвется. И поймешь,
что будешь дальше
жить. И отныне ведать ложь,
обманы, фальши...
И будет больно — десять раз.
И девяносто.
И обрстет душа и глаз
стальной коростой —

и от нее отскочит нож,
оттлеет спичка...

От сотой боли не умрешь –
уже привычка.

Для высылки Вам Вашего оплеванного фото пришлите мне конверт с обратным адресом и деньги. Хотите, чтоб обиделась? — платите. Отчего-то обиду все бесплатную считают, к сожалению.

Обидеться легко. Когда непростена обида.
Обидеться легко. Когда — так походя и просто — бросают грязи ком, теряя тут же тех из виду в кого попали — сном ли вспомнят, духом ли?... Несносна

обида, если жертвуешь собой — в ответ: «Не надо». А также, если жертвуешь другими — а не стал бы, когда бы не был... Снайперу — особая «награда»: обида на убитого, за то, что жив остался

сам. Да, еще обида бьет, что пуля в переносицу, когда родная мать тебя не любит — генетически.
Все остальное — чушь. А потому мне не напросится ни критик на обиду и ни целый взвод критический.

Хотите — конструктивно обстригайте строкам перышки.
Хотите — сыпьте грязь — хоть пятитонными повозками.
Спасибо и за это. Все полезно. Лайте, сворушки.
Молчите? Аль обиделись? Благослови вас Господи.

Яблоки, я, Блок и пара словариков —
нам в гамаке так уютно. И палево
пеплежевики незрелое зарево
оной же напоминает. Мечтал его
Видеть, быть может, и Блок. Но видал, увы,
да и не зарево — варево алое...
...Нас бы туда — да на бал сразу с палубы! —
Блока бы яблоком не зажевала я.

И в гамаке не тик-так, полусонная,
тихо вдыхая духи и туманы, а
во поле, травы чьи выдраны с корнием
мимо прогикавшими атаманами,
остановилась бы тишью... Надолго ли?
Полю запомнилось: «На город, конница!»

...В городе, Блоком невольню оболганном:
мол, четверть века живи — и не стронется, —
тихо. Как в зимнем котле, снегом полном, что
даже не тает еще. Чтой-то сварится?...

...Это — доедено, это — испорчено
ныне, и вряд ли десятком словариков
вытянешь правду из Блока. Не слышится.
Сам от себя он тогда заблокировал
чуткость свою.

...На странице колышется
блик, будто пулею или рапирою...

* * *

Все субъективно. И то, и это.
Этот — буддлив, а тот — христианен.
Я — половине! — Больших Поэтов:
«Ну, и на что ты мне, графомане!»

Каждый по-своему прав — и не прав же.
Всем не отдашь себя на закланье.
Мне — половина меня читавших:
«Ну, и на что ты нам, графомане!»

О, простота временных прелюдий
Нашему веку, и чем ты манишь?
Пушкин, сегодня япомнючудя,
Тоже услышал бы: «...графомане!»

Чем субъективнее, тем и чаще
Я-чневой кашей исавить станем.
Если есть Бог, человек творящий
Знает, что все мы здесь «...графомане».

О вазе

(декаданс)

Самый край – и зачем ты ко мне?
Зашаталась... и кто ты, задевший?
Мир, как хлыст, надо мною взлетевший...
Ни опоры, ни воздуха нет...

И ни воздуха, воздуха нет!!!
Астматический бал. Белый танец.
Ох, и вьется же этот поганец,
наступая на легкие мне!

Притяже... При-тя-же... (принтер жертв)
У Земли его много. И птица,
если с жизнью решит распроститься,
тоже F приравняет к mg.

...Вот и все. Не отдышишься уж.
Не отдышишься, уж. И зачем ты
с камня прыгнул? Ведь знал, что ничем-то
ты летально-падучих не хуж.

Мне себя собирать – не внове,
Я-то ваза: осколки – не горе.
Я-то амфора – склеит историк,
и прославленным сделаю век.

Только мне с каждым разом страшней
приближаться к земле с ускореньем,
будто в спринтерском беге на время
против воздуха.

...воздуха нет...

Чем больше горлу, тем прекрасней
Исторгается оттуда песня...
Чем мучительнее умирање,
Тем мы с большей радостью воскреснем!
Нам подарят золотую кожу,
Вместо зло изодранной лукавым.
Изумрудные глаза мы сможем
Прикрепить на место дыр кровавых.
Суждено хрустальными перстами
Трогать струны серебристых гуслей.
И грехи, что пребывали с нами,
Всем по справедливости отпустят.
...Из очей от счастья — диаманты...
...Опухоль превратятся в розы...
Что же ныне кажешь небесам ты
Жалкие свои *простые* слезы?
Что своей болезненной песней
Ты тревожишь понапрасну Бога?
Мы же непременно все воскреснем!
Вот умрем лишь... Потерпи немного.

* * *

Пусть даже рифмы скачут,
Образы нележки...
То, отчего я плачу –
То для меня – СТИХИ.

Плачу.. Иссохни терньем,
Сдержанность-пустота!
Есть у души мгновенья
Росхриста-раскреста.

Руки стекают магмой...
Сердце – в располовин!
В спазме под диафрагмой –
Высшая суть любви!

Это не миг – неделями,
Это – из дней в года.
Вся моя жизнь – расщелина
Росхриста-раскреста.

Но ни за что не спрячусь
В панцирь из стен глухих.
Я еще плачу.. Плачу!
Живы во мне СТИХИ!

* * *

Многоточие... Три Вселенных.
Три едва ощутимых правды...
Нескрываемо откровенны,
Как просыпанная отрава.

Три живых обнаженных раны...
Три глухих безрассветных ночи...

От Матфея, от Иоанна
не отыщете многоточий.

Четкой точкой отточен, точно
отпечаток, отчетлив, точен
слог о Логосе.

Словно очной
ставкой бьет по очам порочным,
тем, что в три тараканьих норки
прячут все, что насомневали,
тем, что были когда-то зорки,
но ослепли.
Теперь едва ли им прозреть.

Будто обесточил
их замкнувшийся разом разум
в три священных проклятых точки —
саблезубые три соблазна,

нескончаемые, как кольца,
безначальные, аки Троица...

Да такие стихи выбросить хочется...

Лучший комплимент от читателя

Да – шок.

Да – кровь.

Да – вспоротые пальцы.

Так чувствую.

И буду так писать.

Когда бы день по взгляду не топтался,

когда бы прослезились небеса

хоть раз, когда бы добренькие рожи

не выдавали черствость за покой,

когда б не ваша

кожа носоржьья,

«пушистые»,

я б не была – такой!

И – не одна.

Нас *тысячи*.

Десятки проклятых тысяч,

чувствующих ТАК!

...На душах – Божьих пальцев отпечатки,

и – дьяволы клейма – на устах...

Нас мало.

В *миллионах*

светлых, милых

снаружи.

И –

бесчувственных внутри.

Зачем-то концентрирующих силы,

чтоб нас «задобрить».

Сдобрить... Удобрить...

Чтобы молчали.

Чтоб не раздражали.

Чтоб из-под розовых соплей «добра»

не резались циановые жала,

чтобы была

вся наша жизнь — икра.

Хотите выбросить стихи?

Бросайте!

Езжайте в Графоманьевский Посад
Слюнявского района.

Только — знайте:

ТАК чувствую —

и буду

ТАК

писать.

* * *

Он не поэт.

Но было странно с ним,
что здесь еще
поэты есть.

Он был способен
с высшей
главностью,
возможной в чтении,
прочсть.

И бледногубые манерщики,
с подрагиваньем пальцев в тон,
и футуристы-недомерки, что
кричат, размахивая ртом,
терялись,
что иголки во стоге,
пред
этой
простотой.

Ея,
что свежераннюю берёсту, где
ножей полянских острия
чертали о деяньях Киевых
варяжьей каменной резьбой,

Ея,
святую,
как
Россия,
во
безвременье
не
упокой!..

...Он был из тех, кто
в зверью клетку
шаг

Часть 3

**ПОЭМЫ, ЦИКЛЫ,
СКРИПТЫ, ПЕРЕВОДЫ**

Цикл о Слове. Шесть авторов.

Бывает иногда так, что одна поэтическая тема (или ряд близких тем), а иногда и схожая форма, художественные приемы, тропы вдохновляют целый ряд поэтов, — и в результате из их стихотворений получается гармоничный и логически законченный цикл или поэма. Произведения настолько схожи, что цикл можно приписать одному поэту (хотя, конечно же, авторскую индивидуальность не скрыть, в каждом отдельном тексте она ярко видна).

Так получилось и с «Циклом о Слове». Ничего не подозревавший луганский поэт Константин Реуцкий написал свое стихотворение о Слове, — и тут началось! Отозвалась Юлия Броварная из Винницы, затем обоими текстами вдохновилась автор этой книги, а Анна Санина из Киева подхватила «поветрие» совсем случайно, уподобясь предыдущим авторам лишь формально и афористически, развив в тексте свою тему, которая, однако, перекликается с предыдущими размышлениями о смысле жизни и роли в ней Слова. Марина Акимова из Винницы тоже поделилась своими размышлениями на эту тему, и они оказались перевернутыми с ног на голову, представляющими тему в совершенно неожиданном ракурсе. А завершил цикл винничанин Леонид Борозенцев, придав ему кольцевую композицию: начинают и завершают цикл джентльмены, а в середине идут дамы — в этом тоже есть что-то мистическое.

Самое же мистическое заключается в том, что ни один из авторов не вспомнил о том, что в Тютчевском тексте «Silentium!», который стоит в основе идеи настоящего цикла, речь шла не о слове. У Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь».

Однако нашим авторам ближе идея именно Слова, уже изреченного и исполнившего свое предназначение. И несказанного — сокровенного.

СЛОВО

1.

Константин РЕУЦКИЙ

Луганск

Слово изреченное — есть лошадь.
Поводя замшелыми боками,
К полудню привязанная, гложет
Тёплый, терпкий тротуарный камень.
Мужичек с тех пор заметно вырос,
Но отцовский промысел не бросил.
Кудри вьются сквозь рубахин вырез,
И пошелкивает что-то в папиресе.
Полуспит, нахохлившись, как кошка,
Огорченная, что мы её не ищем...

Слово изреченное — есть ложка,
Припасенная «на вдруг» за голенищем
Русого усатого пловца,
По преданию, пришедшего испити
Шапочкой купальной из Донца,
Но не вынесшего тяжести эпитетов.
Половцев ведь если разозлишь,
То до полусмерти застебут...

Слово изреченное — есть лишь
Способ обмануть свою судьбу,
Повод не признаться никому —
Ни подруге, ни прислуге, ни потомкам —
В самом главном, грустном, в самом смутном...

В лучшем случае простят, но не поймут.

Жизнь — как мысль — рвется там, где тонко...

Слово – это лодка. Помоги,
Подгони её под бережок
Губ моих, где слово на двоих –
Это словно с лонжею прыжок.
Слово – это косточка в горсти:
Выглянет, успеет подрасти;
Срубим – будет вёселко – грести.
А оставим – вишенке цвести.
Слово – оловянная нога
Гансу с Христианом на заказ,
Чтобы балерины от Дега
Убегали в солнечный рассказ.
Лорка в переводе на санскрит,
Колонковой кисточки следок...
Слово запоздавшее горчит,
И колючий в горле холодок,
Будто опускают юнги лот,
Чтоб измерить глубину души.
Лорелей отчаянно поёт,
Ну, а ты – отчаянно пиши.
Слово изречённое – есть ложь,
Слово несказанное – есть блажь.
Промолчишь – наверняка убьёшь,
Так смотри, хоть в сердце не промажь.

Слово — это маленькая жизнь.
Приглядишься: она тебе мала.
Дай пришью оборку, не вертись,
не раскидывай свои крыла.
Если сильно хочешь улететь,
то к земле притянут словеса.
Слово — это маленькая плеть,
выплетаемая за глаза.
Половцы — они народ шальной,
чумовой, хотя и не зело.
Слово изреченное есть Ной,
выпущенный Богом под залог.
Лодка, в коей лошадь (и не то...) —
только паззлы для его игры.
Слово — для тебя оно ничто,
а для рыбы было бы — прорыв!
Может, только если в Рождество
у Китайской коляднешь стены,
ты поймешь, что слово — это «ввод»
на клавиатуре Сатаны.
Я тебя запомню навсегда
с расточками в буйном парике...
Слово — лодка? Нет, оно вода.
Сколько лодок во моей реке
кануло... А сколько унеслось
в неизведанные миражи...
Слово изреченное есть лось.
А неизреченное — зажим
времени на плавнике леща,
выпущенного ученым в пруд.
Слово — это маленькое сча...
с! И догонят, и еще дадут
половцы... Да хватит уж о них!
Печенег — тоже ого-го!
Слово изреченное — есть миг
между ничего и ничего.

...Нем о той, что мучит немотой,
тише, Ной, убитый тишиной...
Слово — это маленькое то,
что большое людям не дано.

4.

Марина АКимова
Винница

слово нереченное есть вошь —
притаилось так, что не найдешь,
но кусает больно и юлит,
пальцы нагнетая на транслит.

с литом слиты сны пиита, явь
тоже жаждет слова-муравья,
тащащего смысла бревнецо
по листу с отточенным торцом,

резанувшему — и капля-кап —
утопила карту-дурака,
а под ней печатный червь саднит,
строчками укладывая нить.

ПОДЛОЖКА

Ложка —
это маленькая ложь.
Не спеша, неспешно не спеши.
Кошка
Не над пропастью — но в рожь.
Мой бессменный праздник для души.
Вакса —
Чтобы вычеркнуть черту.
Чтобы слепнуть с химией в глазах.
Плакса
С одиночеством во рту.
Праведность спустить на тормозах.
Рашпилем
Намедни тешим медь.
Завлекаем общество в кровать.
На шпиле
Попробуй не реветь.
И под артобстрелом — не вставать.
Тихо
Расщепили тишину.
Мой разнокалиберный экстаз...
Лихо
Проиграли НЕ войну.
И спустили чувства в унитаз.

6.

Леонид БОРОЗЕНЦЕВ

Винница

Слово – вправду, ложка, кто был прав,
Ею зачерпнувший тишину:
Ной в ковчеге там, у переправ,
Игорь-князь у половцев в плену,
Что молчал о смысле бытия
И о тайнах веры на Руси,

В коих прорастаем ты и я,
Как у Бога косточка в горсти?
Если верен Слову – избран ты,
И по вере будет твой улов:
Кто-то станет криком немоты,
Кто-то – НЕОтЛожкой гнутых слов.

Слово «Тишина» фаэма¹-триптих

Стасу Кузьмину

1.

Заговори меня, заговори,
не дай мне вставить слова в монолог твой,
и буду я безмолвный интурист,
а ты – мой чичероне. И неловко
не чувствую себя, когда молчу:
я слушатель, я суть запоминатель,
я – выбор твой из мыслей и из чувств
той истины, которую Создатель
не вкладывает в слово, что еси
ритмокамланье, звукосочетантство,
произнофарисейство на фарси,
полисемейство новоханаансте...

Я – тишина. Со мною тяжело.
Понять такую – вечную, как камень –
и о него волной – твой монолог –
и не пытайся. Мхами и стихами
на камне нарисуешь свой узор,
но суть его и тяжесть не затронешь.

...Веди меня за руку в разговор –
в кунсткамеру свою, мой чичероне.

Там заспиртован смысл и за стеклом
нашит гербарий редких эрудиций,
там, вытертый от пыли, каждый том

1 Фаэма – фаэтическая поэма. Фаэзия – яркое течение (феномен) в крымской литературе – «фантастическая поэзия». Термин введен поэтессой Е. Коробкиной (Евпатория, Крым). Существует и развивается более 7 лет. Имеются теоретические статьи и разработки по фаэзии. Творчество ее представителей – фаэтов – выразительно как направление. Это поэзия одновременно чувства и разума, она оперирует философскими – как общебытийными, так и экзистенциальными – категориями. Это сочетание непредставимых образов в самых неожиданных связях, характерная непредсказуемая ассоциативность в соединении смыслов. Фаэт творит воображаемые миры, используя архетипы, тонкие светлые образы, мистические проорывы в ирреальные пространства.

энциклопедий, каждая страница – сияет. И безмолвные глаза мои к ним тянутся, но в миг принятъя все исчезает, как шумливый сад из памяти глухих, – свои объятъя развертывает миру тишина и, спеленав их в байковые пледы, баюкает слова... В их детских снах и есть ответы. Все мои ответы.

2.

Когда умеешь говорить и жить, молчание и смерть, пожалуй, скучны.

...Твое сказуемое подлежит сказанию о подлежащем...

Уж не пытаешься ли испытать в судьбе сравненья с Тем, Кто был в начале Словом, Кто не хотел, чтоб вечно во гробех лежали молча все: и словоловы и словоиспускатели?

Так Он давно узнал, что Словом быть – смертельно.

Но согласись, что каждый, кто рожден, достоин смерти.

Ох, и сверхпределны ее достоинства!.. Она одна по-настоящему жива без речи.

Услышь ее!.. Как радиоволна невидима, так смерть в извечной сече неслышимо берет над жизнью верх и коронует тишину над звуком – ее рабом, чьи кандалы вовек несокрушимы. Изгибаясь луком и резонируя в голосниках соборов и в утробах инструментов, разнясь на крик и вопль, на вздох и ах,

и делаясь предельно когерентным,
он лишь доказывает, что его
ничто не может выволить из плена
Ее, что не нуждается ни во
интерференциях и ни в рефренах,
Ее, что есть тогда, когда ничто
другое – нет.

Таким, как ты – иная
вселенная: едва ли сможешь то
сказать, чего Она еще не знает...

3.

И тишина должна быть названа
в миру, где слово – вроде – в главной роли.
Есть слово «тишина», но вся она
вмещается в него ли?

...Поневоле
в твоих глазах, бездомных иногда,
родятся слоги, тишиной творимы.
Твои глаза Адаму бы в уста,
когда давал Ей, чуть рожденной, имя.
О Еве, притворившейся Лилит, –
так, на минутку, для разнообразья, –
во всей плоти в нем тишина болит,
ласкаясь в утешительном экстазе.

Нет, раньше... Там, где плоть еще не бысть,
ни человечья, ни земная и не
небесная, – и даже чистый лист
не есть тому сравнение, – но имя
для тишины уже жило в очах
Того, Кто размышлял о сотворенье.
И это было Слово. И печаль
о будущих других словах в смиренье
его звучала. О таких, как ты,
кто позже ВСЁ окрестит «тишиною».
Простейшее дрожанье пустоты
объемлет мироздание земное
и небеса, и каждый звукозалп
людской, – и ты, не ведая об этом,

все говоришь,
и лишь одни глаза
твои скорбят в тиши иного света...

Каменная поэма

1.

Чароит, прижавшийся к агату,
друга аметиста... Дом богат.
Камни не укладывают в вату,
хоть они и бьются невпопад

и, в отличие от стекла, не к счастью,
а от страха — он тяжеле гирь, —
что собравший их геолог Вася
выменял две яшмы на пузырь,

а потом куском обсидиана
в кильку открывалку забивал.
(Как дрожал — о, спрятаться под ванну! —
в это время хрупенький опал,

знает только бирюза-соседка).
Только у бедняжки свой невроз:
скоро из нее висюльку Светке
выточат, чтоб не пускала слез,

что у старшей, Катьки, из нефрита
бусы (и поныне тот нефрит,
быть мечтая чем-то ядовитым,
тихо ювелиров материт)

... Эти внучки... Было бы два внука —
в руки молоток — и на Урал!
Или по гортань засунуть руку
в сталагмитный карстовый оскал

Крыма!.. Чур! Сегодня только килька
да девчонкам по куску халвы.
Камни не скульптуры, их в опилках
нежить не положено, увы.

2.

«Камень — он живой. Ему шлифовка
и оправка — что индейцу фрак.

Как бы ни вытаскивали ловко,
он уже такой, как должно», — так

думал Вася некогда. А ныне
«Ну, и ладно!» — выбросил, как флаг.
Жизнь на то и есть — смирать гордыню,
на нее напяливая фрак.

Пережевывание страданий
не мешает этому никак:
продавать кристаллы для гаданий,
амулетить чей-то Зодиак,

залезая всею головою
в мракобесья голубую муть,
от чьего гниющего привоя
поспешила соки отвернуть

истинная магия. Узнай-ка
тайны камня — только свиток чист.
Вам ни Медные Горы Хозяйка,
ни супруг Их — Белый Альпинист, —

не раскроют древних фолиантов,
без прочтения хоть одной главы
коих всякий горе-талисман — то
просто украшение, увы.

Вася знал. Но некая усталость
не давала помнить обо всем.
И решались с помощью кристаллов
судьбы целых суеверных сел,

да и городов. Пеклись, как сайки,
предсказанья денег и любви.
Кто и слышал тихий смех Хозяйки,
принимал неслышашего вид.

А Она дописывала главы
дневника, что испокон вела.
И чернилами была ей лава,
и бумагой лава ей была,

что уже застыть успела. Цверги
ей ковали перья в горах гор.
И сбегались капельки энергий
в каждой строчке, будто приговор:

3.

«...На агате – карта океана
с полосатой разностью глубин...
Женщины! Возьмите бриллианты,
но агат не троньте! Он один

говорит на языке беззвучной
древности, когда еще язык
знали только грозовые тучи,
а земля учила лишь азы,

да и те – с трудом: взрывая недра,
развергая тело на куски.
В сотни градусов кипели нервы-
реки, иссыхая от тоски

бессловесности. Творцу протеста
выразить творенье не могло.
...И текло, текло живое тесто,
и живое, будто кровь, текло...

Не могло кричать, сопротивляться,
как лепили – так ему и быть.
Но, застыв, всю искренность упрямства
выразили каменные лбы.

А под веками суровой глины
прятались в гордыне от Творца
серые с оттенком темно-синим,
с поволокой бледною – глаза...

А потом их люди вынимали,
отделяя кожу – мол, не то.
Яблоки агатовых миндалин
разбивал нетрезвый молоток.

А внутри – хрусталинки... Хрусталик
этот впечатлел такое дно
и такое небо, что едва ли
нашему подобное дано.

До чего и не доспится даже
та, кому на восемнадцать лет
дарен был прикупленный в «Пассаже»
«вроде бы агатовый» браслет».

«Мать-Тереза» Миссия Божьей Любви

поэма

1. Самокопания Анны Ивановны

Женщина, это навек.
Это навек и еще...
Ты не живой человек,
ты не берешься в расчет.

Раны твои — не беда.
Выплюнет твой же палач:
«Бабство, соплизм, ерунда!»
Прячь же их, прячь же их, прячь!

Функция. Где-то опять
мыслить, лечить и учить,
и на звонки отвечать.
Будто Господь не молчит.

Сколько вас, проклятых мест,
прячет такие «дела»?
...Если бы бабу на крест —
выжила бы и — жила.

И с перекладин, с гвоздей
стала б лечить и учить,
и успевала б везде,
и шинковала харчи

ребрами, зубьями — ща! —
надо — и третья рука
вырастет. Третья душа —
вряд ли — в начале стиха

сказано. Функция. Тыл.

...

2. Призвание

...Миссия???? Божьей любви?
Кто-то воюет – а ты
– раненого оживи.

...Стонешь, парнишка... впервой?
Стольких убил – и не счесть.
Вытащу... Будешь живой –
скольких отправишь на крест?

Выживешь... скольких убьешь?
Замертво сядут учить,
офис улыбками – в дрожь,
блюда на кухнях перчить...

Слезы в подушку – вода,
«Просто болит голова...»
Бабство. Соплизм. Ерунда.
Знаешь такие слова?

...Ладно, болящий фашист,
слишком красив умирать.
«Бабство» свое и «соплизм»
я зашвырну под кровать

вместе с флаконом того:
всуну – не сможешь сплевывать...
...выброшу. Нет ничего!
Да не с креста ж убивать!..

3. Ночной обход

Миссия Божьей любви...
Выбор твой – что каземат
пытошный... Мне бы привить
пару инъекций дерьма,

мне бы в канаву, где зверь,
Бога продавший, что стол...
Мне бы – осину да вервь...
Мне бы – осиновый кол...

С этих бы мест, с этих лиц
ЧТО бы увидела та,
что себя мнит из цариц,
избранных Им для креста?

...— «Мать, как атака моя,
тут мне письмо принесли:
бросила, стерва, — так я
всех, кто под руку, валил...»

Всех, кто под руку.

Теперь
уксуса мне и терна,
Братца-Иуду — за дверь,
кол Свой осиновый — на.

Полочка на стеллаже.
Вот и схоронка на ней.
Юноша, лучше уже?
На вот, водички попей.

4. Утро

— «Милый, открой же глаза...
Милый, любимый, прошу...
Я ничего не писа...
Это подружка шу...

Так подшутили с тобой...
В армии скука — беда!
Мы же не думали: в бой!
Мы же не знали: сюда...

...дайте ему хоть попить...
Люди! На помощь! Мой Бог!
...Я тебя буду любить
даже без рук и без ног,

только...» — «Пора уносить.
С ночи лежит. А жара»

– «Умер?!!» – «Ну, тоже спроси!
...Дал же он жару вчера:

Целых двенадцать одной
очередью положил,
а на тринадцатом – сбой...
Слышал: медаль заслужил!»

– «На хрен мне ваша медаль?!
Милый, я здесь, ну, я вот...»
– «Бабские сопли – вода.
Выскочишь замуж за год.

Анна Ивановна, эй!
Девке накапай чего...
Да проводи поскорей.
В обморок – дома. Не вой!

Видно, что баба. Гуляй.
Завтра все выдадим. Ой!
Анна! Ты где, подсобляй!
Тут нелады с головой!»

...Серая дверь, кофе, дым...
Пара бессонных глазниц.
«Деточка, выпей воды.
Ляг вот сюда, отдохни»

Миссия Божьей любви...
Как хорошо, что ты есть.
Милые сестры мои,
Вы не взойдете на крест.

ГЛАЗА ТИГРИНЫЕ

мини-поэма

1.

Я тебе сказала: – Забирай!
Ты забрал. Но... так не забирают.
Как по правилам у Бога рай,
так без правил не бывает рая.

...Я б исправила у Бога рай:
я туда добавила бы адца,
а потом сказала: – Забирай,
Боже, рай, в таком хоть посмеяться

можно, а иначе – правина
праведных его в кисель разраит...
Знаешь, ты, пожалуй, прав: и на
крест, и под венец – так! – забирают.

2.

А забрал – тогда держи. Веди
сквозь шпицрутены вселенской чистки!
Ты такой и не встречал, поди,
избалованнейшей эгоистки,

что сама кричит тебе: – Греши!
Сам греши, меня греши в изверье!
И при этом – чистоты души! –
требует! Предельной. Как у зверя

дикого, не вЕдущего зла,
свЯтого святее за святого.
Я черты тигриные внесла
в облик наш, чтоб спрашивали: «Кто вы?»

3.

Человецы мы, и нам вина
Евина аукается в муке:
святога без грешности – скучна,
грехота без святности – в три скуки!

Грязный ад... Банально, тошно! Ты
лишь на это – тем на ВСЁ – способен,
ты не тянешь ад – из чистоты! –
выжестить – по человеческой злобе.

Гнусный, мерзкий человеческий ад...
Скучно, скучно... будто с нелюбимым.
А глаза тигриные глядят
с неба – золотые херувимы...

Так тебе держать – не удержать
на кресте ли, под венцом, за руки...
Днесь тебе святая госпожа
вместо перстней мерила разлуки.

НЕНЕБЕСНАЯ ЗВЕЗДА

мини-поэма

1.

То, что было между нами —
это было изнутри,
это вставшее волнами
море, море Тивери-
адское, нет, просто адско-
е, без «ти», без «ве» и «ри»,
на безверии на блядском
все, что свыше — изнутри

принимается тем тяжче,
чем возвышеннее и
ниже, и грязней, и мажче,
и ненужней, чем слои
выработанной породы,
в коих прячутся они:
черви, змеи, скорбь и оды
о безумной платони-

ческой чести, честном чеке
за услуги во делах,
ах, любовных, в человеке
низость Ева родила —
и она в любом Адаме
слабину свою найдет,
то, что было между нами, —
это даже не полет

над жнивьем ли, над погостом,
все равно земля — магнит,
все, что было, очень просто
каждый доктор объяснит:
ты — обычный шизофреник,
я — обычный м/д-псих,
все, что было — просто пеня
Господу за этот стих.

2.

Я желала слишком тупо
написать такую новь,
чтобы крикнуть в чертов рупор:
это даже не любовь!
И, неся свои потери,
большие, чем «бы» и «ли»,
я в тебе будила зверя,
чтобы словом подстрелить,

и разделать, и завялить,
и кусочками телес
вскармливать агушу-лялю,
что орет во все небес-
ные хляби, жаждет крови —
на же, милая, ужрись, —
только подними покровы
и кажи мне смерть и жизнь!

...Все, что было между нами, —
это даже не роман,
это два фашиста в храме,
убивающие мам
собственных за то, что смели
пожалеть еврейских чад.
Разве было так на деле?
Хроники о том молчат.

...То, что было между нами, —
это даже не игра,
это глаз твоих цунами,
видящих в последний раз
ту, что от тебя уносят
ангелы — не поезда,
чтоб спасти, иначе скосит
ненебесная звезда.

Чертова дюжина

Поэма-скрипт²

с аллюзиями³ и комментариями

Посвящается Минску

1. Судьба

Иисус сказал: «Вот этот вот
безногий мог бы править светом.
Слизал бы слезы, кровь и пот
со всей живой еще планеты.
Тогда Отец решил: «Долой
ножонки», — и калека плачет:
«Несправедлив Ты, Боже мой!».

И так со всеми. Не иначе»

2. Гастрономия

О, Муза! Я с тебя тащусь!
Скриптуешь⁴... Ни себе, ни людям.
Я быть закрытою учусь,
лишь раскрываясь, как на блюде
цыпленок-гриль, и мой гурман
смакует ножки строк и грудки
метафор, зная: сей обман
не оправдается в желудке.

2 Скрипт — литературоведческий термин, появившийся сравнительно недавно. Означает литературное произведение, написанное с подробностями и реалиями из личной жизни автора (именами друзей и их приключениями, названиями мест жительства, работы, путешествий и т.п.), понятными только ему и требующими комментариев и пояснений. Если не ошибаюсь, как термин, введено А. Сигидой, поэтом из Луганска, в одном из сборников Луганского лито СТАН.

3 Поэма содержит аллюзии на произведение «Монолог-терапия» минского поэта О. Корочанского.

4 Скриптвешь — пишешь скрипт.

3. Сквернословие

Ах, эти минские дожди:
минута ливня — солнце снова...
...Я не хочу здесь ставить «жди» —
в контексте рифмы так не ново,
что даже скверные слова:
«не ждем», «забыто» — украшают.

...дождинок серых вещества —
из полушарья в полушарье...

4. Костел⁵

Я у костела проходил —
застыл пред статуей в восторге:
то бил дракона Михаил⁶,
а я обыденно: «Георгий!..»

Потом увидел два крыла,
бездонные, как ночи в морге...
А рядышком она была —
и пальчиком: «Смотри, Георгий!..»

5. Национальная библиотека⁷

Я вижу, как она поет
разноалмазными цветами...
Ее безлунный луноход
не для земли, не для скитаний

5 Костел свв. Симеона и Елены (Красный костел) — кафедральный католический собор Минска.

6 Скульптура «Архангел Михаил, убивающий змея» находится перед входом в Красный костел.

7 Новое здание Национальной библиотеки Беларуси, построенное в 2003 году и визуально похожее на огромный луноход, по ночам переливается разноцветными огнями (особенность подсветки).

людских... Давай с тобой туда⁸
взлетим, где голова Франциска⁹
едва видна и, как стада,
деревьи руна низко-низко...

6. Любовь

Хотела я такой любви,
чтобы обоих нас лечила...
Но закричала: «Оборви!» –
на ней – убийственная сила.

...Она упала камнем в пруд,
взметнулась тина, кверху пузом
восплыли рыбы... Жалкий труд
любовь, когда тебя – не Муза...

7. Ничего

Ты очень грустно говорил:
«Ну, ничего не происходит
у нас...», – так сам бы заострил
болото хоть под преисподню,
когда не можешь веселей –
под карнавал, летящий мимо.

Быть Аль Капоне тяжелей,
чем этим... Джо Неуловимым.

8. Река

Как воды Свислочи¹⁰ быстры...
(Не то, что Лета – не забудешь).
И лето винные пары
разбрызгивает по посуде
пирующего счастья. Есть
оно и – здесь, сейчас! – не где-то...

8 На смотровую площадку на крыше библиотеки, куда ведет скоростной лифт.

9 Памятник белорусскому первопечатнику Франциску Скорине находится перед входом в Национальную библиотеку.

10 Свислочь – река, пересекающая город.

За все грехи слепая месть —
то лето, канувшее в Лету.

9. Скульптура в парке¹¹

Стоит согбенный человек,
а кто-то — в пальцы сигарету..
Не окуджавила¹² в Москве б —
я приняла б его за эту
минуту ужаса: творец
зачем-то сходит с пьедестала,

и расплзается дворец
на человеческое сало...

10. Слава

Желанье славы... Герострат
был прав: всего верней — нагадить.
Пусть ненавидят, пусть галдят,
пусть бьют ногами слова ради
единственного, что ты был
на свете... В мировом бараке
мы все соседи. Дружба — пыль.

И только враг верней собаки.

11. Крест

Мне снится этот черный крест:
«Погибшая от рук маньяка»¹³
Ее кошмар мне душу ест,
особенно как вспомню, яко

11 Скульптура «Прикуруивающий» (автор Владимир Жбанов, «скверный» художник) находится в Михайловском сквере Минска.

12 Имеется в виду памятник Б. Окуджаве в Москве на Арбате. Две эти скульптуры, по моим ощущениям, объединяет то, что в них проступает «человеческое, слишком человеческое», какая-то одинаковая простота и обыденность.

13 Небольшой крест, отмечающий место преступления, находится в Лошицком парке.

ты показал его мне как
простую достопримечажу —

без слез, без тремора в руках
обеих нас возвел на плаху..

12. Божий суд

А я сказала: «Буду жить!»
Оно ответило: не будешь.
И стало каждой дорожить
минутоу, когда Ты судишь
и приговариваешь враз
к по-бабьи царско-иудейским
смертям... «Не надо видеть нас...», —
они так трогательно-детски...

13. Спасение

Иисус сказал: «Вот этот вот
безногий может резать ложки,
а значит, он не пропадет —
всегда получит хлеба крошки.
Еще и голос дан в обол —
пой, сколько хочешь, «Аллилуйя!»

...Сойду и злость его, и боль
на миг утишу поцелуем...»

Фиалка и Демерджи

Поэма-скрипт

1. Обращение к другу (Н.)

Мне надо в «светском обществе»¹⁴ бывать,
а потому не смей изрезать пальцы –
при виде шрамов станут удивляться,
ну, и начнут вопросы задавать.

Одним ответчу, что случайный нож,
другим, смеясь, поведаю, что кошка...
Но знаю, ты, мой друг «не понарошку»,
и без порезов многое поймешь.

Вглядись хотя бы раз в глаза «звезды»
литклубов – сразу вспомнишь термин «сепсис».
И ты поймешь: твой неуместен скепсис
насчет моей «надуманной» беды.

Не знаю, было ли в твоей судьбе:
терять сознание от душевных спазмов?
Наверно, только солнечная плазма
способна с этим справиться в себе.

...Я знаю, что банален мой рассказ.
Такое было, есть и будет вечно.
Природа создана – *бесчеловечной*.
Она бесчеловечна и сейчас.

Она не видит разума. Ей дел
нет никаких до celibатов, браков...
Ее закон: Эйнштейн = собака.
«Вот этот!» – и рассудок – под расстрел.

«Вот этот!» – и душа – хоть истеки
кровопусканьем. «Пластырем заклей!». Да
спасает только (если верить Фрейду)
работа, пьянство... А меня – стихи.

А потому тебе — и никому! —
стать крестным для моей поэмы-детки.
Она — суть лучшее, чем вой в жилетку,
чем сон в транквилизованном дыму,
чем осознание цели потолков
с гвоздями, чем изломанные ногти...

...Остался от твоей *viola noctis*¹⁵
растопток почерневших лепестков...
Зачем ты сочинил меня, скажи,
не наглой розой с острыми шипами?
Фиалку так легко сорвать губами...
Особенно — в ночи на Демерджи...

2.¹⁶

...вмиг узнала...
из «Письма Татьяны»

А вот — герой.
Красивый, умный, наглый,
С IQ — 132, со знаньем книг.

...Как только подошел, я вмиг узнала
по фразе: «Покажите, где родник»,
по своему: «Не знаю», по репризе:
«Тогда давайте я Вам покажу», —
что на полусознательном карнизе
предложно-дательному падежу
висеть недолго...

Был костер и водка,
потом вино и строки «про миры»;
об эзотерике вещали тетки...
А я летела в звезд тартарары...
Без всяких аффиксоидных приставок,
предлогов производных и частиц
пустое «Пусть!» в глаза мои вращало,
запутываясь в щупальцах ресниц...

15 Друг Н. в одном из своих стихов назвал лирическую героиню поэмы «ночной фиалкой».

16 Действие происходит в туристическом лагере поэтов на горе Демерджи.

Потом... Уже не помню. И не жалко.
Пусть лучше память держит миражи.

Вот так, мой друг, срываются фиалки
Ночами жаркими на Демерджи.

3.

Когда еще жива была «Южана»¹⁷
(В расцвете всех своих газетных сил),
Престранный персонаж «таксист Степанов»¹⁸
Звонками главредакторшу бесил.

Каков наглец! Он требовал Марину,
А та бросала в трубке якоря,
Клавиатуру далеко задвинув
И откровенно совесть потеряв.

Кириллова¹⁹ ругалась тихим матом,
Ширяев²⁰ тоннами писал статьи...
И с каждым днем все больше опечаток —
Как знаков — мысли делали мои...

А лето подступало к окончанию,
А ветер жил, газеты теребя...
И «Пусть» уже писало завещанье
Потомкам — «Не могу» и «Без тебя».

В костлявых пальцах задрожали прялки,
Случайно перепутав жизнь и жизнь...
И мысли полувыхсохшей фиалки
Переросли пределы Демерджи.

4.

Меня украли. И везут куда-то.
Куда — не знаю. В зубы — заговор.

17 Литературно-познавательная газета, некогда выходившая в Симферополе. Героиня была сотрудником редакции.

18 Любимый псевдоним героя.

19 Главный редактор «Южаны».

20 Один из журналистов «Южаны».

В глаза — пейзаж. Какую будет плата
За впечатленья — знает хитрый вор.

Мне — все равно. Реликтивы, как гингго,
Мои пропажи в серпантинах чувств.
«Отстаньте, люди! Не мешайте гибнуть!..» —
Как Ольга Палем Пикуля, шепчу.

...И, путаясь в дорогах, будто в прядях
Моих волос, рассеянно чуть-чуть,
Рука того, за кем пойду не глядя
На край земли, развоплощает суть.

Не страшно, если впереди — фургона
Железный круп или позорный столб.
...Мы разбиваемся освобожденно
На разблески солнцегольных колб...

И так легко... И неуместны споры
С собой. Мои долги и платежи
Не стоят этой гибели, которой
Предшествовала вспыхнувшая жизнь.

5.

Все как один: Анфимова, Ширяев,
Попельш²¹ — сплошь великие умы...
А вот и я — сижу и умираю:
Еще одна мамзель²² дошла до «МЫ»²³.

Пришла — и хорошо. И слава Богу.
Среди литературной кутерьмы
Ведь молодым — везде у нас дорога,
А все дороги-то ведут на «МЫ».

21 Молодые литераторы, члены лито «МЫ».

22 Имеется в виду дочь героя, молодая литераторша.

23 Литературное объединение «МЫ» — группа творческой молодежи, некогда широко известная в Симферополе и Крыму. Героиня являлась активным его участником. Название первого поэтического сборника героини, содержащего очень пронзительные стихи.

...А я уже пугаюсь, как бессонниц,
Литературных встреч, поскольку там
Мой персонаж во всей своей персоне
За мною хищно ходит попятам.

А где не он – она. Пора на палку
Закрыться дома – вот бы этажи!
А лучше было бы сбежать фиалке
Ко всем чертям опять на Демерджи.

6.

Больница²⁴. Бегство. Говор какофонный.
И память – вроде чуточку мертвей...
«Матвееву из первой – к телефону!!!» –
«Таксист Степанов» – «?.. черт с тобой... Здравей!»

Не убежать – не спрятаться – не скрыться...
Таблетки, процедуры – набекрень.
...И зажимала губы мне больница,
Когда я вслух читала «Светотень»²⁵

И не было мне надобы в уколе
Слезоточивом²⁶, чтоб до слез пронять.
Я выходила в строки, будто в поле, –
И женщины рыдали для меня.

А доктор усмехался: «Все поэты –
Истерики, масоны и бомжи»²⁷
Да что фиалкам психотерапевты,
Когда есть рифма к слову «Демерджи»?

24 В Крыму есть больница, где имеется неврологическое отделение, в которое частенько ложатся те, кто желает временно исчезнуть, спрятаться или просто провести дополнительный отпуск.

25 Название первого поэтического сборника героини, содержащего очень пронзительные стихи.

26 Некоторым неврологическим больным назначают инъекции, результатом которых являются слезы и истерики. Это необходимо для очищения психики от негатива, для выплескивания всего того, что пациент, по природе своей сильная и сдержанная личность, «не умеющая плакать», копит в себе, не давая выхода, чем причиняет вред своему здоровью.

27 Цитата подлинная.

7.

Пусть лучше так, чем точно знать, когда
Вновь упадет туман на наши плечи,
И будет вечер вспышечен и клетчат,
И будет вечность в ожиданье «да»...

Пусть лучше так: все кончилось сейчас
И больше никогда не повторится.
Я справлюсь: рифмоплеточные блицы
В губах – бах-бах! – кровинками стучат...

Ты видишь, что творят они, когда
Я воедино с хлестким полуночьем?
Тебе, с твоей женой и многодочьем,
На всех и сотой доли не создать!

Пусть лучше так: очередной фуршет –
И – взглядов полынья во льду бокалов...
Для будущих поэм – уже немало,
Когда бы не затасканный сюжет...

8.

У Бога мне не вырвать попушенья,
Ни помощи... Да что там говорить,
Где учится адепт «Крестоношенья»²⁸
Прелюбы с чистой совестью творить...

Она чиста... как мусорная свалка.
И новой грязи хлест неудержим.
И обращают в перегной фиалку
Невидимые черви Демерджи.

9. Вновь обращение к другу (Н.)

Вот видишь, друг мой: не могу без слов –
Без них все тело, как по смерти, стынет.
А потому, увы, – to be continued
Моей поэме. Так что будь готов.

...А впрочем, коль я Божий инструмент,
То можно мучить дружеские уши?
Впредь только небу стану плавить душу.
А потому тебе — мое the end.

Английские переводы

Автор — Олег Корочанский (Минск)

1.

* * *

Мы психологии приказ
Легко и свято исполняем:
Мы любим тех, кто лучше нас,
А тех, кто хуже, — презираем.

Но в шоке болевом весь час
Сгибаются — кто понимает:
Нас любят те, кто хуже нас,
А те, кто лучше, — презирают.

* * *

Ah, almost each one is possessed
by this sly irony of fate:
we do love those who are the best
and those who are the worst, we hate.

But after all we know a lot
how much it takes to pay the price —
by those abandoned to be loved,
by the adored to be despised.

2.

* * *

Мне десять лет. Я — женщина-квадрат.
Я только начинаю видеть книги...
Пока еще не ношены вериги...
Пока еще никто не виноват...

Мне двадцать лет. Я — женщина-зигзаг.
Я только начинаю видеть лица...
Пока еще не хочется отбиться
От граммофонья од, баллад и саг...

Мне тридцать лет. Я – женщина-овал.
Я только начинаю видеть будни...
...На парусном я не ходила судне...
...Меня еще никто не рисовал...

Мне сорок лет. Я – женщина-кристалл.
Я только начинаю видеть воздух...
А мир – он для меня, наверно, создан.
И даже Тот, Кто мне его отдал.

Мне сотни лет. Я – женщина...

* * *

I am ten years old, I'm a lady-square,
and I just only start to see the books...
Yet no smart chains on me, no sadder looks,
yet no one is to blame, no guilt is shared.

I'm twenty years old, I'm a lady-crackle,
and I just only start to see one's face...
Yet there's no need to break off his embrace;
all legends and all ballads make you jangle.

I'm thirty years old, I'm a lady-oval,
and I just only start weekdays to see...
I never stood on deck to watch the sea,
was never sketched, nor described in a novel.

I'm forty years old, I'm a lady-crystal,
and I just only start to see the wind...
The holy World is mine, before it sinned,
and mine is He who sadly made it bristle.

I'm hundreds years old, I'm a lady still...

3.

* * *

– Мамочка,
слышишь:
кричит
ночь,
будто ее по глазам быют..
Если б
у Бога
была
Дочь,
было бы легче тогда бабью...

– Думаешь,
милая?
Рас-
пад
жизни на две? Так устрой пир:
Если б
у Господа
был
Брат,
был бы таким же Его мир?

– Мамочка,
слышишь,
я все-
рвез:
душу не греет мне твой плед..
Если б
у Господа
был
пес,
он бы нашел тот потерянный след...

– Думаешь,
милая?
О-
глох-
нешь от попыток найти ответ:

Если б
у Господа
был
Бог,
думал бы Тот, что Его нет?

— Мамочка,
слышишь,
ведь жизнь —
пыль!
Надо успеть хоть тоску излить...
Если б
у Бога
хоть Кто-то
был,
мы не умели бы говорить...

— Думаешь,
милая?
Без
глаз
мир не идет, не глядит без ног.
Если б
у Бога
не было
нас,
Он бы, пожалуй, и — не Бог.

* * *

— Мама,
you hear:
the night
screams
as if being beaten on her eyes...
If God
had a Daughter
of seven
sins,
we would less hear those women's cries.

– You think,
my darling,
of de-
cay;
feast is your life breaking up in two.
If God
had a Brother
would you
say
that His own world is obscene too?

– Mama,
it's all
in a big
way:
my soul is not heated with your plaid...
if God
had a cur
would you
dare say
he couldn't search out that shade?

– You think so,
darling?
You'll get
deaf
from those attempts to hear replies:
if God
had a Father
for His save
would then He think that the Cross lies?

– Mama,
you hear –
this life's
dust!
Time expires, while grief's too big.
If God
had Someone
for Him
to trust
we would be hardly able to speak.

– You think so,
darling?
Without
eyes
the world doesn't stride; doesn't see, legs-cut.
If God
had no people
which Him
despise
He would then hardly be their God.

Украинский перевод

Автор – Светлана Зализняк (Полтава)

* * *

Не все ль равно, куда сходить с ума?

А. Кабанов

Болезни – это, право, не беда.
Они – лекарство. Помнишь ту ангину,
с чьей помощью протухшая вода
любви с тебя сошла наполовину?

А то – не видишь и в глазу бельма,
когда саднят сердечные мозоли.
Не все ль равно, куда сходить с ума,
когда уже сошел в чужую волю.

В смертельный насморк? В легкий онкоСПИД?
В кретинеобъяснизм и пара-ночь-ю?
В ипо-хандрилью? В депресньонктивит?
Или в бутылку водки на бессочье?

Когда шизолюбвия обнесла
своим налетом действия и строфы,
не все ль равно, куда сходить с осла:
на вайи или сразу на Голгофу?

Не лучше ли проехать дальше? Кон
еще не сыгран, и король твой матом
не послан... И не так ты высоко,
чтобы сходить с чего-то и куда-то.

Попробуй лучше НА... На гору влезь,
ну, пусть хотя бы на вершину славы.
Она летальна – звездная болезнь,
зато хоть полетаешь на халяву.

* * *

Недути, як на мене, не біда,
А панацея. Пригадай ангіну,
Тоді застоюна жаги вода
Зійшла із тебе аж наполовину.

А то не бачиш на очах лейкою,
Бо розтроюдили на аорті мозолі.
Яка різниця, куди глузд пішов?
Брів галасвіта, здався у неволю.

В летальний нежить? Може, в онкоСНІД?
У пришелепкуватість, потім – в пара – ніч – ку?
У сплінорею? Спустошеністьктивіт?
Чи в оковитої графин при свічці?

Коли шизоїдальність сповила
Клейким намулом твої дії, строфи,
Яка різниця – сплигують з осла
На вайі чи відразу на Голгофу?

Так, ліпше б рухатись чимдалі. Кін
Ще догравати, і король твій матом
Не посланий... Далеко ще до гір,
Щоби із чогось та у щось сповзати.

Тож спробуй ліпше НА... Дерись, потій!
Стань покорителем вершини слави.
В кінці хвороби зоряної – скін.
Зате хоч пошугаєш між орлами.

Содержание

Ангел протеста.....	5
---------------------	---

Часть 1. Стихи

«Мамочка, слышишь: кричит ночь...».....	10
«Ты помнишь эту молнию над городом?..»	12
Сонарный модернизм.....	13
«Дурной тон, говорят мне, прислушайся, тон дурной...»	14
«Автостопом не езжу я. Но бывает: моё...».....	15
Богема.....	18
«...А когда невозможное станет похожим на зло...»	19
LOVE SAPIENS	20
«Его стихи – избитое дитя...»	22
«Чем больше узнаю мужчин, тем больше нравятся вибраторы...».....	23
«Ах ты, клубника с кровью, руки убийцы...»	24
Новый рай	26
«Белибертристика – это дремучая смесь...»	28
Над телом.....	29
«Поэзия – не спасает...»	30
«Город – снежен, вьюжен, леденист...».....	32
«Хочешь, я душу твою до себя дотяну?..».....	33
«В этом доме спасутся исключительно вещи...»	34
«Знала: рукописи не горят...»	35
«Я устала. Мне плохо. Я думаю о тебе...»	36
«Сломали сливу ветры ноября...»	37
Движение	38
Кара-Даг	39
Не странно.....	40
Сонет 1.....	41
Сонет 2.....	42
Той, что живет	43
Расстояние.....	44
«Ночь. Бессонница. Жизнь то профилем...»	45
Невозможное лето.....	46
Проклятая бледнолицая.....	47
Днепропетровский стиш.....	48
Еще раз о литературной провинции, или Откровение скифской бабы.....	50
ХУДОЖЕСТВА	52
Поэтескам.....	53
стиШОК или кюшай, не абБляпайся.....	54
Театр абсурда	55
Пегасоитие	56
Эксперимент показал, что	58
О том.....	59
Новая Татьяна.....	60
«Ты плакала над сломанною куклой...».....	62

«Чудеса бывают лишь под Новый Год...»	63
«Не пишутся стихи. Любовь молчит...»	64
«Ты. В моем доме. С гитарой. На стуле. Ты...»	66
Ноябрь	67
Профилактика	68
«Что ты смотришь на меня котом...»	70
«О, эта женская лирика, пух тополиный, цветочечки...»	72
«Судьба пошла наискосок, и линий...»	73
«Я не замуж пойду, не за дикими сливами...»	74
«Ты старше меня. Ты раньше умрешь...»	75
«Не сотвори себе кумира...»	76
«Мой ангел не слышит зова – он...»	77
О простых вещах	78
«Твои зубы стучали по краю узора...»	79
«Сердце, в тебе мои глаза...»	80
Рождественское	81
«Выстёбыва – юсь, выстёбыва – юсь...»	82
«Кы-ысь!... Кы-ысь!... Ох, и голодаю по тебе...»	84
«Это было как Божья слеза...»	86
«Темная половина падает под иконы...»	88
«...и Некто, высокий, суровый «дед...»	89
«Познать свои глубинные слои...»	90
Богородичное	91
«Написать на каждой стене...»	92
Адвокат Бога	93
Крёстной матери или История одной души	95

Часть 2. Еще стихи

«Мне десять лет. Я – женщина-квадрат...»	98
Новая Кассандра	99
«Черная, тонкая, нежная лошадь...»	100
«Без привычного запаха никотина...»	101
Доброволки	102
«Ушла в себя луна за дымною стеною...»	104
Против порчи	106
Зимняя Кришня	107
«Болезни – это, право, не беда...»	110
«Лопе-де-вежская пуща...»	111
Русская боль	112
«Аксиомно. Аксиокна. Аксидвери...»	113
«А я летала...»	114
«Беспомощная пустота холста...»	115
Кызыл-Коба (Пещера Красная)	116
«Пизанской башни вздыбленная рысь...»	117
«Я девственница в третьем поколеньи...»	118
Луганск-Симферополь	119

Единочество	120
Вещь в себе	121
«Боже, зачем я струнна, будто скрипка?..»	122
«Как хочется чего-то горностаиного...»	124
«На небе – август, на земле – январь...»	125
«Безвременной, вневременной...»	126
«Город твой счастливыми глазами...»	127
«Пусть так, пусть будет: я не сплю...»	128
«Вот лучший из всех сюрреализмов...»	129
Совесть	132
Баллада о мертвой воде	134
«В глухом провале собственного дна...»	135
Чернуха	136
«Я пыталась создать монастырь на дому...»	138
Новая крестьянка	140
«Плечи – чтобы шаль нести...»	141
Новая Клеопатра	142
«Мы психологии приказ...»	144
«Все, кто пишет стихи, почитают сегодня стихи...»	145
«Давай скорей, дари свои цветы...»	146
«Удержи меня ребенком на руках...»	147
«Стою, отдыхаю под липами...»	148
«Не бросайся в глаза мне, прекраснейший мир!..»	149
Эго-Истина	150
«Глуп – кто меняет парчу на рублище...»	151
«О, твоя красота!..»	152
«Исколи меня, Боже, терном...»	153
Новая Шахзада	154
«Я так устала, словно муха, биться...»	155
«В день Покрова утро раннее...»	156
Тень	157
«От сотой боли не умрешь...»	158
«Для высылки Вам Вашего оплеванного фото...»	160
«Яблоки, я, Блок и пара словариков...»	161
«Все субъективно. И то, и это...»	162
О вазе	163
«Чем больше горлу, тем прекрасней...»	164
«Пусть даже рифмы скачут...»	165
«Многоточие... Три Вселенных...»	166
«Да – шок. Да – кровь. Да – вспоротые пальцы...»	167
«Он не поэт. Но было странно с ним, что здесь еще поэты есть...»	169

Часть 3. Поэмы, циклы, скрипты, переводы

Цикл о Слове. Шесть авторов	172
Слово «Тишина»	180
Каменная поэма	184

«Мать-Тереза». Миссия Божьей Любви	188
Глаза тигриные	192
Ненебесная звезда.....	194
Чертова дюжина	196
Фиалка и Демерджи	201
Английские переводы	208
Украинский перевод	214

Литературно-художественное издание

Матвеева Марина Станиславовна
ЭГО-ИСТИНА
Стихотворения и поэмы

Редактор В. Анфимова
Технический редактор Л. Васильев
Вёрстка Г. Григорьев

Подписано к печати с оригинал-макета 25.12.2009.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 500 экз.
Издательство «Крымский писатель»,
95011, г. Симферополь, ул. Гоголя, 14.
Свидетельство о внесении субъекта в госреестр № 2592,
серия ДК, от 22.08.2006 г.

Отпечатано в ООО «Форма»,
95000, г. Симферополь, ул. Сергеева-Ценского, д. 3, корп. 6.